

ИЗЕККИЛЬ БУН

ОСОБНЯК

ПРОШЛОЕ
ВСЕГДА
БУДЕТ СТОЯТЬ
НА ПУТИ
ДАЖЕ САМЫХ
ЛУЧШИХ
НАМЕРЕНИЙ

18+

Черное зеркало

Иезекииль Бун

Особняк

«Феникс»

2018

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Сое)6

Бун И.

Особняк / И. Бун — «Феникс», 2018 — (Черное зеркало)

ISBN 978-5-222-40702-8

Как сильно ни старайся, начать полностью с чистого листа невозможно. Слишком много событий из прошлого, слишком много неправильных решений, слишком много призраков. Молодые программисты Шон Игл и Билли Стаффорд после почти двух лет тяжелой работы в хижине на территории поместья семьи Игл создали то, что могло бы обогатить обоих, – революционный компьютерный алгоритм Eagle Logic. Но нарастающее напряжение не пошло на пользу их когда-то крепкой дружбе. И вот спустя годы Билли – неудачник, страдающий от нищеты и зависимости, а Шон – один из самых известных и богатейших людей в мире. Шон хочет воскресить Нелли, умную компьютерную программу, над которой они когда-то работали вместе с Билли, и устанавливает ее в семейном особняке. Но с Нелли явно что-то не в порядке. Какое зло таится в написанном ими исходном коде? Шон вынужден обратиться к Билли за помощью...

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Сое)6

ISBN 978-5-222-40702-8

© Бун И., 2018
© Феникс, 2018

Содержание

Глава 1. Забудем о былом	6
Глава 2. В которой эмили уиггинс дремлет	19
Глава 3. Предложение	20
Глава 4. Она сделала свой выбор	29
Глава 5. Тете эмили грустно	36
Глава 6. Добро пожаловать в уиски ран	41
Глава 7. Хищные птицы	51
Глава 8. Кровь и сталь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Бун Иезекииль

Особняк

Впервые опубликовано Emily Bestler Books /Atria Books.

Издание на русском языке по договоренности с AJA Anna Jarota Agency и The Clegg Agency, Inc. USA.

Все права защищены.

Данное произведение является художественным вымыслом.

Любое сходство с реальными людьми, компаниями, событиями или местами случайно.

THE MANSION

Text copyright © 2018 Ezekiel Boone, Inc.

© Анастасия Миронова, перевод, 2021

© ООО «Феникс», оформление, 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Une maison est une machine-à-habiter.

Дом – это машина для жизни.

Ле Корбюзье

Глава 1. Забудем о былом

Больше всего на свете Билли Стаффорд сейчас хотел вмазать Шону Иглу по его самоодвольной физиономии.

Шон Игл – бывший лучший друг и партнер по бизнесу. Шон Игл – основатель, визионер и исполнительный директор Eagle Technology. Шон Игл входит в десятку богатейших людей в мире. Шон Игл – вун, мошенник и мерзавец, всегда готовый вонзить нож в спину.

Билли не встречался с Шоном уже десять лет, но был счастлив уже от одной мысли о том, с каким звуком его кулак мог бы врезаться в рожу этого ублюдка. Он рисовал эту картину в своем воображении. Влажный удар плоти о плоть, звук костяшек, врезающихся в зубы Шону, одновременно пустой и плотный. Билли мог представить, как бы это выглядело со стороны. Голова Шона откидывается назад и отскакивает обратно, врезавшись в окно с зеркальным стеклом. С разбитыми в кровь губами и странно торчащими в разные стороны зубами Шон валится на спину на роскошный ковер, а из его целовальника пенится и пузырится кровь. Да уж, после такого Шон еще долго не сможет ни с кем целоваться.

Прямо сейчас Билли ничего не желал сильнее, чем вмазать Шону по морде, а ведь он пытался придумать что-то еще. Билли хотел врезать Шону сильнее, чем выпить пинту налитого прямо из бочки ледяного бельгийского эля Ommegang Witte. Сильнее, чем заполучить ведро с дюжиной бутылок пива Yuengling, охлаждающихся в колотом льду. Билли хотел ударить Шона Игла сильнее даже, чем вынюхать четыре ровные дорожки кокса или, о боже, сделать глоток джина Bombay Sapphire с тоником из тяжелого граненого хрустального стакана, наполненного идеально ровными кубиками льда. А ведь этого он всегда желал больше всего. Он хотел сделать все это.

Все еще.

Отчаянно.

Прошло почти два года трезвости, но желание вернуться к тому, что он оставил позади, все еще жгло его изнутри. Впрочем, желание накачаться наркотой и выпить было несравнимо с тем, как сильно он хотел врезать Шону Иглу по морде.

Лучше не думать о бухле – а это было в основном бухло – и наркоте. Нет. Ну если не бухло, то тогда... Вмазать Шону было бы приятнее, чем... если бы ему сделала минет до ужаса привлекательная личная помощница Шона? Может, так? Синди, Сэмми, Венди, или как ее там? Быть может, безопаснее думать о бухле с наркотой? Помощница Шона, чернокожая женщина примерно двадцати пяти лет: она выглядела так, будто могла на полставки работать моделью нижнего белья, и была чертовски сексуальна. Вдобавок она определенно была умна. Почти наверняка выпускница Лиги плюща¹. Вероятно, она окончила Университет Кортаки, его с Шоном альма-матер. Скорее всего, уровень ее IQ мог бы сравниться со средним значением отбитых мячей бейсболиста из высшей лиги². Но какой бы умной она ни была, думал Билли вовсе не об этом: вид ее колыхающегося зада, когда она провожала его в кабинет Шона, доставил Билли одно из величайших в жизни удовольствий. Хорошо, ладно. Он сексистская свинья и бабник в теории – однако он никогда не был настоящим бабником в реальной жизни, и за одни только эти мысли его можно считать ужасным человеком. Но он и так в курсе, что

¹ Ассоциация восьми самых престижных и старых университетов США. В нее входят Гарвард, Принстон, Йель, Браун, Дартмут, Колумбийский, Корнеллский и Пенсильванский университеты. В книгу добавлен вымышленный Университет Кортаки. – Здесь и далее прим. пер.

² Высчитывается путем деления отбитых мячей на количество выходов к бите, среднее значение выше 300 считается великолепным, а достичь 400 практически невозможно.

премия за человеколюбие ему не светит. Вопрос был в том, что бы он предпочел: чтобы Синди, Сэмми, Венди или как там ее сделала ему минет или получить шанс дать Шону в морду?

Второе. Он не задумывался об этом ни на секунду.

Билли глянул вниз и понял, что уже даже перенес вес на правую ногу и отступил на шаг назад. Оставалось только занести кулак и дать рукам волю. Бум. Пробить цель. Стереть эту гаденькую улыбочку с лица Шона Игла. Выбить его отбеленные зубы с идеальными коронками. Избавиться от этой ухмылочки, которая отчасти стала причиной того, что в прошлом году Шона Игла назвали самым сексуальным мужчиной по версии журнала People. В колледже девчонки считали его привлекательным. Шон любил шутить, что это из-за его экзотической внешности, хоть он и был на одну восьмую индейцем, а не индийцем, как ожидаешь от программиста. Но сейчас, в его тридцать шесть лет, как думал Билли, Шон больше не был просто привлекательным – теперь его черты стали тверже, изменились. Теперь Шон обладал мужественной красотой. Черные волосы доходили ему до плеч. Он носил дизайнерские джинсы и футболки, облегаящие тело, которое ему помогали держать в форме персональные тренеры. Внешность его все еще была экзотической. Неудивительно, что журнал People выбрал именно его, неудивительно, что Шон всегда был в списке самых завидных холостяков. Он был молод, богат, гениален и красив.

Молод, богат, гениален и красив? Кое-что из этого Билли мог бы исправить. В вестибюле стояла охрана, у кабинета – охрана. Шон никуда не ходил без парочки телохранителей. У него было столько денег, что он просто не мог нигде появиться без охраны, но сейчас в кабинете не было ни одного из его накачанных сопровождающих. Билли подумал, что мог бы серьезно подпортить его внешность, прежде чем они успеют отреагировать. Шон уже не будет таким красавчиком, после того как Билли разделается с ним.

Но Шон Игл, будто бы находясь в блаженном неведении относительно мотивов тяжкого преступления, жертвой которого мог бы стать он сам, продолжал говорить. Он повернулся спиной к Билли и смотрел в окно, выходящее на строительную площадку, на которой сооружался новый административный комплекс Eagle Technology, спроектированный Фискером де Леоном, и далее на балтиморскую гавань.

Они находились в кабинете Шона, который был настолько большим, что разделялся на зоны: они сидели в комнате отдыха – комфортабельном углублении с диванчиками и толстым ковром, – расположенной на уровень ниже всего остального офиса. Зона отдыха погружалась на три ступени в пол и была ниже того пространства, где, судя по всему, обстрипывались «серьезные» дела. Тремя ступенями выше находился письменный стол размером с кита. А на открытом пространстве в центре стоял стол для конференций, габаритами сравнимый с авианосцем. Один только туалет был больше любой квартиры, которую когда-либо снимал Билли. Офис изобилвал экзотической деревянной и металлической отделкой. Шон, наверное, велел вырезать некоторые детали из рогов единорога или чего-то такого, просто потому что мог себе это позволить. Этот кабинет занимал половину всего верхнего этажа в двенадцатиэтажном здании, но смешнее всего то, что оно было лишь временным. По словам Шона, Eagle Technology «по-быстренькому» построила его на самом краю прежнего административного ансамбля, чтобы Шон мог следить за воздвижением нового корпоративного комплекса. Старая штаб-квартира Eagle Technology находилась по адресу: Диджитал-Драйв, 1000, Балтимор, Мэриленд, а вот адресом нового комплекса просто были слова «Лента Мёбиуса». В улице и номере дома нужды не было.

Штаб-квартира Eagle Technology «Лента Мёбиуса» обошлась компании в десять миллиардов долларов. Когда ее закончат, по сравнению с ней корпоративный комплекс Apple покажется типичной застройкой обыкновенных жилых домов, а сам адрес «Лента Мёбиуса» – это

не что иное, как шпилька по отношению к Бесконечному Циклу³ Apple. Через окно Билли видел, как спуют, не останавливаясь, краны, бетономешалки и грузовики. Стройку планировали закончить через шесть-семь месяцев, к весне, но не было похоже, чтобы работа подходила к концу. Ходили слухи, что Шон сильно превышает и без того непомерно раздутый бюджет, выделенный на этот проект. Он требовал совершенства, добиться которого было практически невозможно, даже учитывая современные технологии строительства. Архитектор Фискер де Леон публично распускал перья, утверждая, что, когда сооружение комплекса завершится, это будет не просто технологический корпус, а произведение искусства.

Почти 80 процентов строительных материалов изготавливалось по специальному заказу Игла, и Мэриленду осталось только провозгласить Шона действующим монархом из-за количества денег, которое он вливает в развитие штата и города Балтимор. Для города, который находился в бедственном положении до того, как Eagle Technology выстрелила, Шон был подобен манне небесной. Забудьте о строительстве. Забудьте о новых дорогах и инфраструктуре, которые Шон оплатил, чтобы убедиться, что корпус будет выглядеть идеально. Забудьте о рабочих местах, охваченных профсоюзами, коих были тысячи, – Eagle Technology действительно нанимала профсоюзных работников! И их задачей было поднять здания из недр земли, словно древние храмы, состоящие из стекла и стали. Забудьте о компаниях, существующих лишь для того, чтобы обслуживать работников Eagle Technology. Рестораны и элитные спа, предлагающие массажи чайным маслом, а после подающие смузи с семенами чиа. Персонал для выгула собак и стрижки лужаек, автосалоны. Продуктовые магазины, продающие органику, и целые отделы, ориентированные исключительно на торговлю оливковым маслом. Забудьте обо всем этом. Eagle Technology единолично обеспечила работой около тридцати тысяч человек в районе Балтимора, а как только строительство корпуса завершится, она упрочит свои позиции, привлечет еще больше работников, и в распоряжении Eagle Technology окажется почти пятьдесят тысяч трудоспособных жителей Балтимора, готовых трудиться полный рабочий день. Рабочие места! Высокооплачиваемые рабочие места, налоги с которых будут настолько огромными, что политиканы начнут раболепно стелиться перед компанией. К тому же Eagle Technology была сродни магниту, и другие IT-компании начинали открывать дополнительные офисы и поговаривать о том, чтобы окончательно дислоцироваться в Балтиморе, превратив его в Восточную Кремниевую долину. Неудивительно, что местный журнал три года подряд называл Шона Игла «человеком года». Неудивительно, что большинство окружающих считало, что жизнь тридцатилетнего Шона Игла была идеальной.

И все же Билли очень хотел его ударить.

Прошло ровно десять лет с тех пор, как он в последний раз видел Шона. Целых десять лет он наблюдал со стороны за тем, как крошечной фирме Шона – в прошлом фирме Билли и Шона – удалось повторить то, что до нее сделали Google, Apple и другие IT-компании: выбиться из грязи в князи. Как бы ни старался Билли убежать от Шона, как бы много он ни пил, чем бы ни травил свой организм, он не мог отделаться от Шона. Рыночная стоимость капитала Eagle Technology оставила Apple, Google и Amazon далеко позади, и Шон был повсюду. На обложках журналов. В газетах. Его имя звучало по радио и в качестве ключевой реплики по телевизору в вечерних шоу. Лицо Шона было на обложке этих нелепых мемуаров «Рожденный летать», ставших одной из главных книг года. Но хуже всего было то, куда бы ни пошел Билли, повсюду он видел продукцию Eagle Technology. Обогащенный золотом титан – еще одна «гениальная» инновация Шона, продающаяся под маркой Eagle Titanium, – была на навигационных телефонах, планшетах и компьютерах, а классический красный алюминий Eagle – на девайсах подешевле. Но бесили Билли вовсе не сами телефоны, компьютеры и все остальное. Его бесило то, что находится внутри них, – Eagle Logic.

³ Infinite Loop (досл. с англ. «бесконечный цикл») – название штаб-квартиры Apple.

Eagle Logic. Это было детище Билли. Дело было вовсе не в самой технике. И они оба это знали. Как бы привлекательно она ни выглядела, как бы хорошо она ни была собрана, все эти планшеты, телефоны и часы без Eagle Logic были лишь навороченными кусками металла.

Eagle Logic – это программа, благодаря которой все работало. Новый язык программирования, который родился благодаря Билли и Шону. С самого начала Eagle Logic отличалась от других подобных вещей. Она была более органична. Microsoft, IBM, C++, Java и все остальные пережитки эры зари компьютерного программирования основывались на бинарной системе. Нули и единицы. Выключено и включено. Но они с Шоном открыли более сложный процесс принятия решений. Было бы не совсем верно говорить, что они создали новый язык программирования, потому что язык неотделим от программы. Одно без другого так же бесполезно, как техника Шона без встроенной в него Eagle Logic. Но для большинства людей это было слишком сложно – Билли не раз пытался объяснить все это Эмили, – и большинство людей, если они вообще думали об Eagle Logic, когда говорили по телефону, считали ее программой. Но обычно они не вспоминали об Eagle Logic, потому что она работала. Если вы говорили: «Позвони Сьюзан», она могла разобраться, о какой именно из пяти Сьюзан, записанных в вашей телефонной книге, вы говорите. Если вы просили ее зарезервировать столик на семерых в восемь часов в кафе под названием «Девять», она могла позаботиться обо всем, ничего не перепутав. Не то чтобы Eagle Logic делала что-то принципиально новое, так же как и Google не изобретал поисковик, а Apple не придумывал MP3-плеер, когда представил свой iPod. Просто она справлялась со всем лучше. Достижением Шона было то, что он сумел упаковать все это и преподнести покупателям программное обеспечение Eagle Logic, стоящее на уровень выше остальных, в оболочке, которая на вид тоже казалась лучше. Но то, что собирало это все воедино, двигатель, на котором все работало, – это была работа Билли.

Название они выбрали, подбросив монетку. Если орел – Stafford Logic, если решка – Eagle Logic. «Шон выиграл и тогда, и в другие разы, – подумал Билли, – и дал ей имя Eagle Logic». По крайней мере, в одном их мнения совпадали: это определенно была она. Eagle Logic просто не могла иметь мужской голос. Они мало в чем сходились в других вопросах, но оба были уверены, что язык и программа вместе создавали нечто, что по природе было женским. Пока группа феминисток не вызвала его на дуэль с угрозой объявить бойкот, Шон любил шутить в интервью, что Eagle Logic – это женщина, потому что, как и большинство женщин, она умнее, чем кажется.

Ведь сперва Eagle Logic работала не очень хорошо. Изначально они даже не собирались ее создавать. Eagle Logic родилась благодаря их провалу. Для них это был лишь менее амбициозный компромисс – то, что, по их мнению, могло сработать, когда... Ну, многое тогда пошло не так. Билли не хотелось об этом думать.

Проще всего было сказать, что их первый проект потерпел крах, но и после этого им с трудом удалось отладить Eagle Logic. Они постарались отступить от логических элементов других технологий. Да. Нет. Это были единственно возможные варианты, но только не для них. Они создали программу, которая, возможно, могла иметь дело с промежуточным вариантом. Разумеется, Eagle Logic 1.0 не работала. Как и Eagle Logic 2.0, 3.0 и 4.0.

Почти два года они с Шоном проторчали в той жуткой разваливающейся хижине, которая стояла рядом с заброшенным полуразрушенным особняком Игл. По ночам ветер свистел, проходя сквозь дыры в стенах, своим завыванием разрывая их ушные перепонки. Они часто шутили, что живут по соседству с домом с привидениями, но на самом деле им не было весело: особняк Игл довлел над ними как страшный сон. Деревья подбирались все ближе и ближе. Было настолько тесно, что могла развиться клаустрофобия, хотя при этом они находились у черта на куличках. До ближайшего города, если Уиски Ран⁴ можно назвать городом, нужно было

⁴ Выдуманный город в США.

ехать тридцать минут по петляющей ухабистой дороге, а до Кортаки и их университетских друзей – сорок пять минут. Единственный плюс хижины состоял в том, что проживание оказалось абсолютно бесплатным. В этом месте Билли и Шон могли сосредоточиться на своем проекте. Они буквально надрывали задницы там, на самом севере штата Нью-Йорк, прямо у канадской границы. По шестнадцать – восемнадцать часов работы в день в этой малюсенькой хижине с возвышающимися над ней руинами курорта Игл, который будто глумился над ними, напоминая о своей былой славе.

Они жили на пиве, замороженной пицце и макаронах с сыром, как будто все еще были студентами. Двадцать три месяца работы вместе, недосыпа, слишком большого количества пива и того, что могло пойти не так. Слишком много секретов, слишком много кошмаров, преследовавших их по ночам. И наконец их дорожки разошлись окончательно.

– Что ж, зато тебе досталась девушка, – сказал Шон, когда Билли уезжал.

Шон был прав, но в то же время он ошибался. Да, Билли досталась Эмили, верно, но, раз уж Eagle Logic тоже была женщиной, можно было считать, что Шон тоже остался со своей девушкой, которая к тому же значительно пополнила его счет в банке.

Билли думал о том, что все еще любит свою жену. Все еще...

«Что ж, зато тебе досталась девушка». Это было последнее, что Шон сказал ему, прежде чем Билли и Эмили уехали подальше от особняка Игл и навсегда ушли из жизни Шона. По крайней мере, до этого момента. Нет, Билли, конечно, видел Шона время от времени: он смотрел на его самодовольную рожу на обложках журналов и по телевизору, а почти десять лет назад они встретились в зале суда, когда Eagle Technology только начинала расти, во время последней провальной попытки Билли получить то, что принадлежало ему по праву. Этот лживый ублюдок стер всю информацию о том, кто, что и когда стоял за его успехом. С каждым годом в истории создания Eagle Logic и Eagle Technology было все меньше и меньше правды.

Правда.

Нет. Ни один из них не хотел, чтобы всплыла вся история.

Но Билли хотел справедливости для себя. Он тоже страдал. Шон задолжал ему.

О боже, как же он хотел разбить Шону рожу. Не просто ударить его, а подойти к тележке с баром, взять одну из этих тяжелых бутылок с водкой и зарядить ей Шону по морде, как дубинкой. Он хотел бить его, бить и бить до тех пор, пока его лицо не будет изуродовано настолько, что ни один доктор на земле не сможет его восстановить. А затем, когда все будет кончено, он мог бы зачерпнуть немного льда из ведерка, чтобы со стакана капала ледяная вода, и сделать себе «Кровавую Мэри» – в прямом смысле слова, ведь бутылка будет измазана кровью Шона.

Шон отвернулся от окна и посмотрел на Билли.

– Я бы предложил тебе выпить, но мои люди сообщили мне, что ты уже два года как завязал, – сказал Шон. – Поздравляю, кстати.

Билли сунул руку в карман. Старая привычка. Обычно он хранил там свой жетон, который получил после года трезвости. Он залез поглубже. Карман был пуст. Его охватила мимолетная, но сильная вспышка паники. Он потерял жетон где-то по дороге из Сиэтла в Балтимор. Билли с трудом сглотнул. Это всего лишь талисман. Вещица на удачу, которую приятно держать под рукой. Он вовсе в нем не нуждается.

– Неполные два года, – сказал он. – Два года будет в конце месяца. Пока что я не пью ровно двадцать три месяца.

На лице Шона ничего не промелькнуло, и казалось, что период в двадцать три месяца ничего не значил для него: а ведь когда Билли сказал, что не пьет уже двадцать три месяца, можно было вспомнить, что ровно столько же времени они оба проторчали в той развалюхе, работая вместе. Это было много лет назад. Тогда они еще были друзьями. Тогда Билли и Шон жили по соседству с жутким гниющим особняком, в котором обитали привидения, и каждый

момент, проведенный за работой, казался им каким-то приключением. Тогда они еще думали, что ничто их не остановит.

И никто.

Но Шон никак не отреагировал. Ноль эмоций. Пустота. Точно такая же пустота была и в кармане Билли. Он по-прежнему не мог найти жетон, который напоминал о его трезвости. Словно и не было этого периода, когда он не притрагивался к алкоголю и наркотикам. Но ничего страшного. Скоро он получит жетон за два года трезвости. Он подождет. А тем временем...

– Я буду диетическую колу.

– Разве согласно клише на собраниях анонимных алкоголиков все не пьют кофе? Мы тоже можем выпить кофе. Эспрессо или еще что-нибудь.

– Диетическую колу. Если есть.

Шон рассмеялся.

– Как хочешь, Билли. Будешь пить из банки или из стакана?

– Из банки.

Билли показалось, что Шон приложил слишком много усилий для дальнейших действий. Это было непродуктивно. Шон подошел к двери на своих двоих, что само по себе требовало немалых усилий, учитывая размеры кабинета, высунул голову в коридор и позвал свою помощницу. Венди. Ее звали Венди.

– Что-нибудь еще? – Билли покачал головой. – Как тебе отель? И как прошел полет? Прошу прощения, что тебе пришлось лететь коммерческим рейсом. Я бы отправил за тобой личный самолет, но один я одолжил Тейлор Свифт. У нее есть свой собственный, разумеется, но там что-то с двигателем, а мы ведь с ней друзья. А два других моих самолета ремонтируются. Совет директоров устраивает мне головняк, если я использую самолеты фирмы для личных дел, – Шон раздраженно махнул рукой. – Они больше не хотят, чтобы я использовал Eagle Technology в качестве своей личной площадки для игр. Ну и прочее дерьмо, связанное с корпоративным управлением.

Билли ничего не ответил. Коммерческий рейс. Не сказать чтобы это его оскорбило. Из их с Эмили убогой квартиры-студии в Сиэтле Билли забрал лимузин, который отвез его прямо к самолету. К самолету. То есть его высадили прямо на взлетной полосе, где его ждал бортпроводник: он открыл лестницу в основании телетрапа, и Билли смог подняться прямо на борт самолета и занять свое место в первом классе. Ему даже не пришлось проходить через терминал. Другой бортпроводник, молодой латинос с легким намеком на усики, поприветствовал Билли, обратившись к нему по имени, когда он взошел на борт. Бортпроводник назвал его мистером Стаффордом и, убедившись, что он чувствует себя комфортно, спросил, не желает ли Билли чего-нибудь.

Он выпил всего один джин-тоник.

– Тебе, наверное, интересно, почему я попросил тебя приехать? – спросил Шон.

– Как проникательно с твоей стороны, Шон. После того как ты меня кинул, мы с тобой не виделись уже десяток лет...

– Суд...

– К черту суд. И ты иди к черту, Шон. Иди к черту! – сказал Билли. Нет, не сказал – выкрикнул. До него дошло, что он кричит, а Венди – личная помощница Шона – в это время испуганно стоит на лестнице. Он готов был поспорить, что Венди без труда зарабатывает по миллиону в год плюс дивиденды и имеет любые плюшки, какие захочет. Она наверняка может воспользоваться одним из личных самолетов Шона, если ей необходимо куда-то отправиться. Венди уставилась на Билли, и он заткнулся и отвернулся от нее так, чтобы увидеть ее отражение в одном из зеркал, висящих на стене.

Билли чувствовал себя дерьмово по многим причинам: он воспринимал ее как сексуальный объект, а теперь повысил голос и напугал ее. Билли боялся того, на что был способен. К тому же у него в кармане не было жетона трезвости, а еще он испортил всю свою жизнь. Беспokoило его и все то, о чем они с Шоном молчали.

Ему не стоило приезжать.

Билли увидел, как Венди посмотрела на Шона. Тот пожал плечами, и она, подойдя к Билли, подала ему банку с диетической колой. Именно ее он просил, и это оказалось как раз то, что ему было нужно. Прикоснувшись к холодному металлу, Билли почувствовал облегчение. Прежде чем открыть банку, он ненадолго прислонил ее ко лбу. С тех пор как он бросил пить, ему стало труднее сдерживать гнев.

Шон дождался, пока Венди уйдет, а затем поднял руки, раскрыв ладони. Примирительный жест.

– Просто выслушай меня, хорошо? Я знаю, что вы с Эмили переживаете сложные времена.

Сложные времена. Как просто это прозвучало. Они были без гроша в кармане, остались с голыми задницами и задолжали аренду за четыре месяца. По девяти кредитным картам, о которых Эмили было известно, они очень сильно превысили лимит, и было удивительно, что пластик не плавился у них в ладонях. Было еще четыре кредитки, о которых Эмили не знала. Их машина – этот кусок дерьма, грозящийся убить их в один прекрасный день, – когда-то была хороша, но теперь из железного коня превратилась в ржавое дырявое корыто. Большую часть времени ее удавалось завести, но тормоза были настолько стерты, что они опасались ездить на ней по автостраде. Его бы не особо это парило, если бы он постоянно ходил под мухой, как раньше. Тогда этому было бы оправдание: «Еще бы мы не были на мели! Я же пропиваю и снюхиваю каждый полученный доллар! Неудивительно, что у нас даже мелочи в карманах не найдется!»

Но вот уже два года Билли ведет абсолютно трезвый образ жизни. Почти два года. Он снова сунул руку в карман. Двадцать три месяца и... четыре дня. В кармане нет ни жетона за первый год, ни копейки: настолько они на мели. Но с тех пор как Билли бросил пить и начал вести трезвый образ жизни, у него больше не было оправдания. Всего один джин-тоник в самолете. Он это заслужил. Всего один бокал, в этом нет ничего страшного. До того как Билли завязал с выпивкой, он мог поставить коктейли в ряд и вылакать их один за другим. Один джин-тоник даже не считается выпивкой. Прошло уже сколько – двенадцать или тринадцать лет? – с тех пор, как он общался с Шоном Иглом вот так, с глазу на глаз в одной комнате? С Билли все было в порядке. Нельзя было сказать, что он совсем не мог свалить вину на выпивку и наркотики: большая часть денег испарилась еще до того, как он завязал. Не то чтобы у них когда-то было так уж много денег, но какое-то время – пять или шесть лет, – им с Эмили хватало средств, чтобы держаться на плаву. Хотя даже тогда Билли нельзя было назвать богатым. Благодаря взлету Eagle Technology и продаже небольшого количества акций он смог покрыть траты. Если бы Билли оставил себе эти акции, а не продал их все, то сейчас стоимость финансов составляла бы почти одиннадцать миллионов долларов. Не сравнить, конечно, с капиталом Шона Игла, второго самого богатого человека в мире, но неплохо для сына официантки и пьяницы-уборщика, который к тому же распускал руки. Но разумеется, он не оставил акции себе, ни одной. Билли продал их по стоимости, которая, оглядываясь назад, теперь казалась до смешного низкой. Он получил где-то пять сотен косарей до вычета налогов. Не все пропало разом, разумеется. Он спустил их на бухло и кокс, а затем последовал тот провальный суд.

Они ушли бы быстрее и дешевле, если бы не волшебник Шон Игл: он был потрясающим гением, превратившим Eagle Technology из идеи в чудовищных размеров международную компанию, и все это в одиночку. По крайней мере, так говорилось во всех газетах и статьях в журналах о его житии и в каждом интервью, в котором ему вылизывали задницу. Каждый

раз, когда Билли считал, что крошечная сумма на его расчетном счете иссякла, что в его распоряжении больше нет и того мизерного количества акций, что он имел, и со дна иссякшего колодца больше нечего зачерпнуть, Eagle Technology производила новый выпуск, била очередной рекорд, дробила акции в отношении 3 к 1, дробила еще раз в отношении 7 к 1 и в последний год еще раз 4 к 1. Но в конце концов колодец опустел. И однажды несколько лет назад, когда он совершенно не просыхал, настал момент, когда продавать было уже просто нечего. Как бы все могло обернуться, если бы он не продал свои акции? Сейчас он имел бы восьмизначную сумму в банке – им с Эмили хватило бы, чтобы жить в роскоши до конца своих дней. Они могли бы переехать в теплые края. На какой-нибудь остров. Открыть там кофейню или небольшой ресторан. Но вместо этого он продавал акции частями при любой возможности, превращая их в холодные кубики льда, джин и дольки лайма.

Они были на самом дне. Какие-то деньги поступали, но это было все равно что пытаться потушить пожар из пульверизатора. Эмили работала в детском саду, и ей нравилось проводить время с детишками, а Билли устроился на полставки уборщиком в ночную смену в огромную сеть спортивно-оздоровительных комплексов. Он работал за минимальную плату, как и его отец. Но, в отличие от него, он не был пьяницей. Больше не был. Зарплата и работа были похожи на какую-то несмешную шутку. Он должен был сидеть за компьютером и покорять мир, и никто бы ему и слова не сказал. Забавно. Он кодил, как дышал. Шон был хорошим программистом. Очень хорошим. Но что более важно, он обладал прекрасным чутьем, понимая, как люди взаимодействуют с компьютерами и чего они хотят, пусть и сами клиенты пока этого не знали. Но настоящим волшебником был Билли: именно благодаря ему на свет появилась Eagle Logic. Лучше всего им удавалось создавать проекты, когда они работали вместе. И еще в самом начале, когда были Билли, Шон и... Потом. У них лучше всего получалось работать потом.

Им в голову пришла идея соединить новый язык программирования и саму программу, создать нечто совершенно новое. Именно Билли нашел способ разбить компьютерную логику на составляющие, благодаря чему у них появился шанс сделать куда больше. Без Билли не было бы Eagle Logic, а без Eagle Logic не было бы Eagle Technology.

Но Билли больше не было. Остался только Шон Игл. Билли оказался на свалке истории, был выставлен меркантильным ублюдком в ставшей бестселлером официальной биографии «Рожденный летать: история Шона Игла и восхождения Eagle Technology на вершину». В крошечном отрывке, посвященном Билли, его описали как паразита, весь суд представили как попытку вымогательства, а автор с трудом сдерживал свою радость от того, что Билли досталась всего пара тысяч акций, а Шона реабилитировали. Да, в истории Eagle Technology Билли практически не существовало, а там, где о нем рассказывали, его выставляли злодеем. Шон был принцем. Шон был героем. Шон заслуживал признания и похвалы, а Билли заслуживал того, что он и получил, – ничего.

И именно поэтому он хотел врезать Шону по морде.

Билли отпил еще глоток диетической колы, а затем очень неторопливо присел на один из белых кожаных диванов. Чтобы ударить Шона, ему пришлось бы встать и переместиться через всю комнату. И это было бы взвешенное решение, а не просто неконтролируемая реакция. Если бы Билли стоял там, совсем рядом с Шоном, ударить его было бы слишком легко. Так что он сел и приготовился слушать.

– Прошло так много времени, – сказал Шон. – Мы так долго были порознь. А помнишь, как все было раньше? Помнишь ту нелепую хижину в лесу? Зимой ветер дул сквозь щели в досках, и звук был такой, как будто мимо проезжает товарняк. Он словно ревел, и его стоны и завывания проникали в хижину. Как ты это называл? Экспресс-заморозка яиц? И каждый раз, когда мы растапливали печь пожарче, чтобы согреться, шарниры раскалялись, становились

красными, как «бомба с вишнями»⁵, и нам приходилось перепроверять огнетушитель дважды, чтобы удостовериться, что он наготове. А помнишь, как мы, хоть нам и было страшно, попытались пробраться в особняк Игл, думая, что сможем разжечь огонь в одном из этих роскошных каминов и хорошенько согреться? Мы испортили целый комплект стульев из столовой, а когда нам наконец удалось развести огонь, из трубы вылетела чертова туча летучих мышей, и мы бросились врассыпную, вопя, как дети малые. Черт побери, чувак, наверное, мы могли бы просто отвезти эти столы и комплект стульев в Кортаку, продать их торговцу антиквариатом и полгода жить на эти деньги. О, не могу поверить, что я об этом забыл, – рассмеялся он. – Помнишь, в наше первое лето отрубилось электричество и мы установили самодельные солнечные панели, чтобы заряжать ноутбуки?

Билли улыбнулся. Нехотя, но все же улыбнулся. Он не хотел этого признавать, но тогда он действительно был счастлив, несмотря ни на что.

– А потом дождь лил целую неделю, и мы не могли подзарядиться. Пришлось разбираться с кодом, просто записывая его на стене.

– Это было все равно что жить в самом ужасном, убогом и нескладном общежитии во вселенной. Но хуже всего было то, что над нами нависал особняк Игл: он словно издевался над нами, говоря: «Эй, я был шикарным местом, пока не обрушился и во мне не завелись привидения, а вы, парни, застряли в хижине, в которой раньше наверняка жили слуги».

– Да, – ответил Билли, – но могло быть хуже. Мы могли застрять в сгоревшем домике сторожа, в котором ты вырос. У меня мурашки по телу шли от этого местечка.

На его губах появилась слабая улыбка.

– Ага, – а теперь он уже улыбался по-настоящему. – И... черт побери. Помнишь первый День благодарения? Мы забыли об этом празднике и проехали всю дорогу от хижины до Кортаки. Удивительно, но Saigon Kitchen⁶ оказался открыт: правда, они не принимали кредитные карты, а ни один из нас не взял банковскую карту, поэтому нам пришлось выгребать мелочь из машины. Нам едва хватило денег всего на одну порцию куриных крылышек шрирача⁷ навынос, так что мы выложили ее на тарелку вместо индейки, – Шон рассмеялся, и на миг Билли вспомнил, как все было.

Это действительно было здорово. Они были так молоды и по-настоящему кипели жизнью. Оба все еще пребывали в возрасте, когда полностью не осознаешь, что такое старость.

Они работали по тридцать дней кряду без выходных, кодили до двух-трех часов ночи, просыпались в восемь или девять утра и завтракали сладкими хлопьями: если им везло и электричество работало, заставляя крошечный холодильник гудеть, у них было свежее молоко. Если не везло – они ели их в сухом виде. Билли и Шон покупали лапшу и мясо, у которого вот-вот закончится срок годности, в продуктовом магазине в Уиски Ран, который торговал товарами без торговой марки. Раз в месяц, когда тетюшка Шона Беверли присылала по почте чек с до смешного маленькой суммой, они проезжали дополнительные тридцать миль⁸ до Кортаки, где покупали буррито⁹ и затаривались дешевым пивом. Они брали выходной, болтались по лесу, набираясь сил и перезаряжаясь перед следующим рывком, пытаясь воплотить идею Eagle Logic в реальность. Хижина состояла всего из одной комнаты и находилась в двух шагах от того, что осталось от величественного особняка Игл, – курорта времен сухого закона¹⁰, который некогда любили посещать богатые и знаменитые.

⁵ Рассыпной фейерверк красного цвета.

⁶ Saigon Kitchen (досл. с англ. «сайгонская кухня») – сеть заведений, готовящих вьетнамские блюда.

⁷ Тайская разновидность соуса чили.

⁸ Примерно 48 километров.

⁹ Мексиканское блюдо из лепешки, с начинкой из рубленого мяса, бобов, риса, помидоров, авокадо и сыра с соусом.

¹⁰ Запрет на продажу, производство и транспортировку алкоголя в США, который длился с 1920 по 1933 годы.

Обособник. Одна только мысль о нем заставила Билли передернуться. Обособник словно сошел с экрана какого-нибудь ужастика: крыша провалилась внутрь, а местами вообще отсутствовала, виноградные лозы обвивали выбитые окна и проникали внутрь здания, стены местами крошились, а все здание целиком словно нависало над ними. Они были уверены в том, что там водились привидения. Несколько раз Билли просыпался посреди ночи, и ему казалось, что в обособнике мерцает свет. Шон был уверен, что однажды ночью, в первую зиму там, он видел, как черноволосая женщина скользит по крыше. В этом здании оживали мертвецы. Там обитало нечто мрачное. Они были молоды, глупы и были мужчинами, поэтому не могли полностью держаться в стороне от обособника Игл. Но большую часть времени Билли с опаской поглядывал на старую громадину. Они бы ни за что не стали жить там, если бы это не было бесплатно.

Все остальное поместье пришло в упадок и тоже было пронизано злом. Деревья стали еще более густыми и темными. Живые изгороди буйно разрослись. Некогда великолепная лужайка оказалась усеяна колючими кустарниками. Можно было с легкостью затеряться в окружающих дебрях. Лес словно хотел проглотить тебя живьем, и по ночам казалось, что он подступает ближе к хижине.

И все же внутри было получше. Казалось, там обитало меньше... бесов? Бесы. «Это удачное слово», – подумал Билли. В хижине было холодно и сыро, но это было всего лишь здание. Обособник Игл и разбросанные по округе хозяйственные постройки – включая домик сторожа, который сторел вместе с родителями Шона, когда ему было двенадцать, – определенно переполняли бесы. Когда они только туда переехали, то закинулись кислотой¹¹ и решили осмотреться. Еле стоя на ногах, Билли забрел в обособник Игл. Стены как будто пульсировали и дышали, и ему казалось, что ковры пропитались кровью.

Нет уж, в хижине хотя бы было безопасно. Позаимствовав доски и кровлю с других зданий, им удалось сделать это место пригодным для жизни. Едва ли пригодным, но все же. Тетушка Беверли платила налоги за поместье, какими бы непомерными они ни были, и настаивала на том, чтобы Шон оставил землю себе, ведь она принадлежала его семье уже много поколений.

– Если захочешь продать ее после моей смерти, тогда пожалуйста, – сказала она в один из тех случаев, когда приезжала навестить их. Билли отлично это помнил. Ему нравилась эта старушка, хотя тогда она, наверное, была не такой уж и старой, примерно пятидесяти – пятидесяти пяти лет. Она всегда привозила продукты и зачастую другие необходимые вещи, например сковородки, одеяла и все, что было им нужно и на что она якобы «случайно» наткнулась в подвале собственного дома. И это при том, что все вещи лежали в новенькой упаковке из Target¹². – А пока пусть будет. Это всего каких-то двадцать акров, а учитывая, что старый обособник совершенно обветшал и стоит у черта на куличках, налоги на него совсем мизерные. Поверь мне, ты практически ничего не выручишь, если продашь его, да еще и будешь всю жизнь жалеть об этом. Это история твоей семьи, и от нее невозможно убежать, какой бы мрачной она ни была.

Билли и Шону оставалось только платить за электричество, что им почти удавалось, и стараться не замерзнуть насмерть, от чего они порой были на волоске. Хижина была так себе, и Билли не мог представить места хуже для того, чтобы воплотить в жизнь нечто столь прекрасное, что они пытались написать. И все же в течение двадцати трех месяцев она была их домом, их штаб-квартирой. Они спали в подержанных спальнях мешках, под одеялами, кото-

¹¹ На наркотическом сленге наиболее распространенное название ЛСД.

¹² Американская сеть магазинов розничной торговли.

рые купили в Goodwill¹³ или которые им привезла тетушка Шона. Они готовили на печи и срали в лесу, в уличном сортире без двери: они сняли ее и использовали вместо рабочего стола.

– Черт возьми, – любил говорить Билли, – у нас сортирная дверь вместо стола!

Шон покачал головой.

– Не думаю, что когда-то был более счастлив, чем в те дни, – сказал он, – когда мы вдвоем работали вместе в той хижине.

– Втроем, – сказал Билли.

Слово само сорвалось с его губ: он не хотел этого говорить.

– Что?

– Мы работали втроем.

Имени он не назвал.

Таката.

Их было трое: Шон, Билли и Таката. Он хотел бы об этом забыть. А может, он и правда забыл. Это имя звучало как едва различимое эхо. Таката. Как ему удалось зарыть его так глубоко в памяти?

Их было трое, пока однажды не осталось всего двое. И с того момента все пошло не так: когда Билли и Шон выходили по ночам, казалось, что особняк вдыхает и выдыхает, с ненавистью глядя на них сверху вниз. Их деяние как будто переключило какой-то рычажок. Особняк и земля, на котором он стоял, перестали быть просто страшными и превратились в нечто бесовское, словно кровь взывала к крови. И все же они не говорили о Такате. То, что произошло с ним, случилось задолго до того, как они встретили Эмили; задолго до того, как пути Билли и Шона разошлись; задолго до того, как Билли, уезжая с Эмили, услышал слова Шона: «Что ж, зато тебе досталась девушка».

Шон тяжелым взглядом уставился на Билли, и он вспомнил то, что однажды прочел в интервью. Шона спросили о сделке, которую Eagle Technology заключила с поставщиком из Индонезии. Эта сделка была столь выгодной для Eagle Technology, что поставщику пришлось уйти из бизнеса уже через несколько месяцев.

– Невозможно построить такую компанию, как Eagle Technology, будучи хорошим мальчиком, – сказал Шон женщине, которая брала у него интервью.

И когда Билли читал это, то подумал, что это всего лишь одна из тех красноречивых фразочек, которым научился Шон: они были частью безупречного образа мистера До-Ужаса-Сексуального исполнительного директора. По версии журнала People, он входил в список тех мужчин, которым кто угодно готов сделать минет в лифте в любой день недели. Но прямо сейчас, когда Шон так на него посмотрел, Билли показалось, что у него внутри все похолодело. Он чувствовал себя так же, как в те зимние утра в хижине в лесу за пределами Уиски Ран: в те дни снег так сильно заметал хижину, что она скрипела от каждого порыва ветра, а металлическая печка издавала такие звуки, словно душу вырывают из тела, впервые за сутки превращая газеты и хворост в огонь и обещая, что сегодня будет лучше. В те зимние утра он просыпался от холода. На ночь Билли надевал на себя столько штанов, рубашек и носков, что с трудом мог двигаться и походил на пятидолларовую сосиску в упаковке за пятьдесят центов. И тем не менее, когда он просыпался, у него стучали зубы, а его жидкая юношеская борода покрывалась инеем, и ему казалось, что он, наверное, уже никогда не согреется. Вот так Билли чувствовал себя сейчас, когда Шон смотрел на него.

– Ты правда хочешь поговорить об этом? – спросил Шон. – Ты правда хочешь поговорить о... – он сжал зубы так сильно, будто от этого зависела его жизнь: казалось, что это имя не хотело вырваться наружу и он не произносил его уже многие-многие годы, – ...Такате?

¹³ Крупнейшая в США сеть секунд-хендов.

Билли показалось, что он услышал какой-то звук за спиной: призрачное эхо шагов в коридоре, шорох ткани, будто сзади подкралось привидение. Он оглянулся, ожидая, что в кабинет войдет Венди с еще одной банкой диетической колы для него или чашкой эспрессо для Шона, шурша юбкой при движении. Но там никого не было. Позади было пусто. Кабинет Шона мог бы с легкостью вместить сотню людей, но в нем находились только они двое. Только он и Шон. Только они. И пустота.

– Не думал, что ты захочешь поговорить об этом, – сказал Шон. Он пересек толстый ковер и сел на другой диван, стоящий под углом от того места, где находился Билли. Кофейный столик был сделан из металла. Билли догадался, что это был обогащенный золотом титан. Eagle Titanium. Боже. Такое чувство, что Шон построил не кабинет, а храм для поклонения самому себе. Шон закинул ноги на кофейный столик, а руки сцепил за головой. – К тому же я позвал тебя не за этим.

Внезапно Билли понял, как он устал от всего этого. Он больше не испытывал злости – только усталость.

– Так зачем я здесь, Шон? Давай уже со всем разделаемся, чтобы я мог вернуться домой, к своей дерьмовой работе и своей дерьмовой жизни в своей дерьмовой квартире.

– И к Эмили? Чтобы ты мог вернуться домой к Эмили?

Билли замешкался. Эмили. Он не знал, какое место она занимает во всей этой схеме. Раньше знал, теперь – нет. Он не понимал, какую строчку в бухгалтерском отчете занимают их с Эмили отношения и насколько превышен лимит. Их брак смахивал на кредитку: он потратил больше, чем когда-либо сможет заплатить. Билли все еще безумно любит Эмили. Он не хотел признаваться в этом даже самому себе, но он бы ни за что не завязал с выпивкой, если бы не она, и больше всего Билли боялся потерять ее. Снова. Потерять ее снова. На этот раз навсегда. Но Шону он этого говорить не собирался. Билли твердо посмотрел на Шона и с уверенностью, которой не чувствовал, произнес:

– И к Эмили, разумеется. Не веди себя как сволочь.

– Сразу скажу: я ничего не забыл. Я все еще зол на тебя из-за Эмили.

– Тебе досталась Eagle Logic. Для тебя все получилось как нельзя лучше. И нет смысла жаловаться на то, что Эмили выбрала меня.

Шон уставился на него. Наверное, молчание длилось всего пару секунд, но казалось, что прошло куда больше времени.

– Я хочу предложить тебе работу, – сказал Шон. Он заерзал и взмахнул рукой. – Не буду делать вид, что на самом деле все обстоит не так, как выглядит. Хочу сразу оговориться, что это неофициально. Но если все получится, это принесет огромную прибыль.

– Мы оба знаем, что ты не можешь взять меня на работу в Eagle Technology, даже если тебе захочется. Даже если мне захочется. Я бомба замедленного действия, Шон. Не будем притворяться, будто нам обоим это неизвестно.

Это было так, и тому было множество причин. Его обвиняли в сексуальном домогательстве, и хоть обвинение не имело под собой никаких оснований, бороться с этим у Билли не было сил. Дважды его обвинили в побоях: признаться честно, это было заслуженно, и в обоих случаях он чудом избежал тюрьмы. На последней работе программистом Билли проявил вопиющую некомпетентность. Тогда он частенько выпивал и нюхал кокаин, но это было неважно. Это лишь краткий пересказ событий. На самом деле все обстояло куда хуже, плюс была эта судебная тяжба, которая повсюду его преследовала. Нельзя же вечно давать второй шанс: Билли использовал все возможности, которые у него были.

– Не надо недооценивать мои возможности, Билли. Я и есть Eagle Technology, – сказал Шон, и на секунду Билли представил, как он вскакивает с дивана, бьет Шона по морде, а затем вцепляется ублюдку в глотку и давит, пока не услышит треск хряща, свидетельствующий о том, что Шон никогда больше не сможет снова дышать. Возможно, Шон тоже этого

побоялся, потому что тут же продолжил: – Но это неважно. У меня есть огромная свобода действий, и ты не будешь работать в главном корпусе. Еще раз повторяю, это неофициальный проект. Нет, мы, конечно, подпишем контракт и все такое. Это будет настоящая работа на выгодных для тебя условиях и с щедрой компенсацией. Но тебе придется работать лично на меня как на частное лицо. На Eagle Technology ты работать не будешь, и совет директоров ничего об этом не узнает.

– Я буду работать на тебя? Как на частное лицо?

Шон кивнул.

– Знаю. Я все понимаю. Как в старые времена, когда мы работали вместе в той хижине, уже не будет. Мы не сможем снова стать партнерами. Слишком много воды утекло, это ясно. Но просто выслушай меня: я хочу все исправить.

– Ты хочешь все исправить? – Билли слышал, как звучит его голос, когда он, как попугай, повторил слова Шона. Его голос сорвался, и в этот момент что-то надломилось внутри: Билли снова вернулся к мысли о том, что прямо сейчас больше всего на свете ему хочется дать Шону в морду.

Шон снова встал, и на секунду Билли показалось, что бывший напарник увидел что-то в его взгляде и испугался. Но нет, Шон поднялся лишь затем, чтобы подойти к тележке с баром и налить себе водки.

– На этот раз я хочу все сделать правильно. Я хочу нанять тебя и Эмили на работу в Уиски Ран. Точнее, вы будете находиться за пределами Уиски Ран: там, где все начиналось. Я отремонтировал старый особняк, – сказал Шон, – и хочу, чтобы вы вернулись туда, где все началось.

Глава 2. В которой Эмили Уиггинс дремлет

Обычно Эмили не спала днем, и как только дети в ее группе детского сада «Яркое яблочко» укладывались в свои кроватки, а они с напарником Энди заканчивали приводить в порядок классную комнату, она с удовольствием читала какой-нибудь журнал. Но Энди настоял на том, чтобы Эмили тоже прилегла отдохнуть. Так что сегодня она сделала исключение из правил.

Наверное, Эмили выглядела усталой. Билли уехал вчера днем и провел ночь в отеле Балтимора, собираясь сегодня встретиться с Шоном. Она посмотрела на часы: наверное, они общаются в эту самую минуту. Эмили стало плохо от одной только мысли об этом: она умоляла Билли не ездить. Дела, конечно, шли худо, но все было не настолько плачевно. Все годы в браке Эмили помогала Билли прийти в себя: сперва после того, что случилось между ним и Шоном и их компанией (обычно он отказывался говорить об этом), а потом после многих лет его алкоголизма. Да, Билли еще имел проблемы с кокаином, но больше всего он страдал от алкоголя. Было время, когда она возненавидела его и подумывала о том, чтобы уйти. Было даже такое, что она действительно ушла на несколько месяцев. Однако последние два года, с тех пор как он взял себя в руки, дела в основном шли хорошо. Эмили была в ужасе от мысли о том, что Шон может нарушить привычный порядок вещей.

Откровенно говоря, она не могла сказать, что оправдывает Билли. Эмили не могла все списать на алкоголизм, но, откровенно говоря, она его понимала. Что случилось бы с ней, если бы именно она работала над таким проектом, как Eagle Logic и ей пришлось бы смотреть издали, как он становится настоящим феноменом? Что ж, Эмили не была уверена, что смогла бы махнуть на это рукой. Она просила Билли смириться и забыть об этой штуке, несмотря на то что он создавал ее вместе с парнем, который в прошлом был его лучшим другом. Да и сама программа стоила сотни миллиардов долларов, из которых он не получил... буквально ни копейки. И отчасти поэтому Эмили, хоть и умоляла Билли не ехать, не стала ничего ему запрещать. Отчасти она все еще тешила себя надеждой, что Шон наконец-то поступит правильно и предложит им реальные деньги.

Однако Эмили не стала ждать этого, затаив дыхание.

Однажды она прочла, что у невинно осужденных есть только два варианта: сдаться или достичь того состояния разума, в котором они смогут бороться за справедливость, не испытывая при этом горечи. Ей такой подход казался глупым, но, может быть, в этом был смысл. Эмили все еще злилась на Шона из-за того, что он не сдержал обещания, данного Билли, но злорада не снесла ее так сильно, как мужа.

Она моргнула и посмотрела на маленькое миленькое личико девчушки, спавшей на соседней койке. Ее звали Кира, и она была милым ребенком. Эмили позволила глазам закрыться. Она действительно устала. Они каждый день всю неделю засиживались допоздна, споря, стоит Билли ехать или нет, а вчера, уже после того как он уехал, она обнаружила, что не может уснуть. Ее мучили дурные сны, вернее – кошмары.

Так мило со стороны Энди предложить ей прилечь. Кровать была слишком маленькой для нее, но вполне удобной. Эмили все равно не будет долго спать: подремлет где-то полчаса, и этого ей хватит.

Она уснула как раз тогда, когда Билли сказал...

Глава 3. Предложение

Ты что, спятил?

Когда Билли задал этот вопрос, Шон задумался – и, надо сказать, не в первый раз – о том, правильно ли поступил, когда решил отреставрировать особняк Игл. Если ему нужна была недвижимость в северной части Нью-Йорка, почему было не продать землю и не избавиться и от особняка Игл, и от домика сторожа, раз и навсегда зарыв воспоминания? Может, вообще закатать всю территорию бульдозером, и пусть природа возьмет свое? Зачем пытаться все восстановить? Зачем строить на этой земле? Почему бы не затеять строительство в Кортате? Шон влюбился в Кортаку с первого взгляда, несмотря на то что она была недалеко от Уиски Ран. А может, она ему понравилась, наоборот, благодаря этому. Шон отказался поступать в Колумбийский университет, Стэнфорд и в Массачусетский технологический, а в последующие годы щедро финансировал Университет Кортаки. Шон мог бы купить землю в пригороде. Обошлось бы дороже, чем в Уиски Ран, но деньги не были для него проблемой. Купить землю в Кортате оказалось бы проще всего. Он мог бы начать все сначала в городе, который он любил, в городе, с которым у него связаны только хорошие воспоминания о студенческих годах, на безопасном расстоянии от старого поместья и особняка.

Но его странным образом тянуло к особняку Игл.

В подростковые годы Шон изо всех сил старался не думать об этом особняке и о том, что случилось с отцом, но старые здания и семейная история все равно преследовали его. Этот дом темной лошадкой появлялся в его кошмарах. Как минимум раз в месяц Шон просыпался у тети, скрючившись от боли на пропитанных потом простынях, с криком, обрывающимся в глотке: в такие моменты он был уверен, что находится в домике сторожа, а особняк Игл темной фигурой возвышается в небе. Во сне Шон слышал скрип половиц, а в обрывочных сновидениях видел расплывчатые тени в окнах особняка. Однажды, когда ему было семнадцать или восемнадцать лет, перед отъездом в колледж тетя спросила его, не хочет ли он отправиться в особняк. В ответ Шон просто молча уставился на нее. Нет, он не бывал там с того пожара, с тех пор, как ему исполнилось двенадцать. Лишь за пару недель до выпуска из университета Шон задумался о том, что они с Билли могут бесплатно жить и работать в этой хижине.

Возвращаться было ошибкой. Они создали там великолепный проект, но все же это место было проклятым. Но после того как Шон сказал Билли, что он может жить там бесплатно, идти на попятную было уже поздно. Они обитали там почти два года, и все это время особняк, зловеще ухмыляясь, поглядывал на них своими темными глазами-окнами, а дождь усиливал запах копоти, доносящийся от хижины сторожа. Это были два года постоянных кошмаров.

Когда Билли и Эмили уехали из хижины, Шон закончил свою работу и тоже уехал. Ему не хотелось оставаться в этом месте. Когда кто-нибудь спрашивал, откуда он родом, Шон говорил, что прибыл из Сиракьюса¹⁴, и на этом разговор заканчивался. О, разумеется, всем было известно, что его родители погибли при пожаре и что он переехал к тетушке Беверли, когда ему было двенадцать. Особняк почти не упоминался в статьях, но когда о нем писали, ему посвящали едва пару строк. Лишь в прошлом году перед выходом биографии Шона *New Yorker* отдал особняку целый абзац:

«Игл не любит рассказывать о своих родителях. “Моя жизнь и так слишком публична, – говорит он, – хотя бы эту ее часть я хочу оставить для себя”. До пожара он жил с родителями в старом особняке Игл, который назван по имени рода и находится в северной части штата Нью-Йорк. Изначально он задумывался как роскошный отель, способный вместить сотню гостей, плюс обслуживающий персонал и слуг. Особняк Игл мог бы соперничать с оте-

¹⁴ Город в центральной части штата Нью-Йорк.

лями в Адирондаке¹⁵ или Бар Харборе¹⁶, будучи сам по себе достойной достопримечательностью, местом как для нуворишей, так и для старых богачей; он находится в пятнадцати милях к северу от крошечного городка под названием Уиски Ран.

Добираться нужно по извилистой дороге, а сам город расположен в тридцати милях к северу от Кортаки, где стоит Университет Кортаки, входящий в Лигу плюща, – альма-матер Игла. Особняк стоит далеко на севере, на берегу реки Святого Лаврентия¹⁷. Зимы здесь суровые, а из-за озера, которое находится неподалеку, ежегодно в среднем выпадает около метра снега. Но прадед Игла построил курорт в месте, злачном для времен сухого закона: он привлекал жителей города Нью-Йорк, которые жаждали канадского пойла, азартных игр и мечтали хорошо провести время там, где не задают лишних вопросов. Он перестал пользоваться успехом после отмены сухого закона, и к тому времени, как родился Игл, великолепный курорт превратился в руины. Его семья жила в бывшем домике сторожа. Домик – слишком лестное название для той лачуги, коей он являлся.

Снег проникал внутрь сквозь щели в стенах, а единственным источником тепла была печь в кухне. Именно эта печь послужила началом пожару, который оставил Игла сиротой. Сейчас он работает над тем, чтобы перестроить и расширить особняк Игл, в котором, по словам местных жителей, обитают привидения, намереваясь частично использовать его в качестве загородной виллы, а частично превратить в “Мекку для IT-разработчиков”. Он считает, что проект восстановит его наследие. Это ли не доказательство того, что родительский дом – начало начал?»

Далее в статье вскользь упомянули тетушку Беверли и то, что она забрала Шона с собой в Сиракьюс, коротко рассказали о его пребывании в Университете Кортаки и жизни в хижине после выпуска, о размолвке между ним и Билли – то, что соответствовало официальной рафинированной версии. В основном статья повествовала о том, как Шону удалось превратить Eagle Technology в компанию-тяжеловес. Эта статья, как и его официальная биография, идеально поддерживала культ личности. Два абзаца книги «Рожденный летать: история Шона Игла и восхождения Eagle Technology на вершину» были посвящены особняку Игл. Люди уважали тот факт, что он не хочет говорить о родителях, и так как особняк Игл не сыграл большой роли в становлении Шона Игла как гения и IT-барона – сестра его мамы, тетя Беверли, была учителем информатики, и именно она научила его кодить, – дом обычно упоминали лишь в сносках.

И все же Шон не мог от него отделаться. Его тянуло туда с непреодолимой силой. Он ездил туда несколько лет назад, всего на денек, просто чтобы посмотреть на него. Раньше особняк был не так сильно заброшен, теперь же виноградные побеги словно душили его, водостоки заросли травой, а окна стояли с разбитыми стеклами или были полностью выломаны. Густой темный лес вплотную подошел к зданию, и под его сенью можно было с легкостью укрыться от солнца даже в полдень. Но Шон не мог сбросить с себя это наваждение. Он не мог отделаться от мысли о том, что хочет избавиться от воспоминаний, изгнать призраков прошлого. У него были деньги на ремонт, и этим он и занялся. Да, это место хранило плохие воспоминания, но было и кое-что хорошее.

Ведь было же?

Билли поднялся с дивана и вновь повторил:

– Ты что, спятил? Хочешь, чтобы я вернулся туда и жил в этой халупе? Ты что, думаешь, мне не хватило кошмаров в первый раз?

¹⁵ Горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк.

¹⁶ Туристический город в штате Мэн.

¹⁷ Река Святого Лаврентия расположена на территории США и Канады, соединяет Великие озера с Атлантическим океаном.

– Ты не слушаешь меня, – возразил Шон. – Во-первых, я хочу, чтобы ты поехал вдвоем с Эмили, чтобы вы были вместе. В одиночку ты там спишишь. И я не предлагаю тебе жить в хижине: из нее все равно сделали музей в прямом смысле слова. Я подарил хижину Университету Кортаки: ее разобрали и снова собрали на территории кампуса, и теперь она стоит рядом с новым компьютерным павильоном Игл.

Билли свирепо уставился на него, и Шона охватило желание позвать Венди, охрану или еще кого-нибудь, потому что Билли смотрел так, будто вот-вот набросится. Но Шон подавил это чувство.

– Ладно. Выслушай меня. Помнишь, тетушка Бев не позволяла мне продать старый особняк?

Услышав имя тетушки Бев, Билли успокоился. По его лицу растеклось умиротворение. – Она мне всегда нравилась, – сказал Билли. – Жаль, что я потерял с ней связь. Несмотря на все, что произошло между нами в хижине, несмотря на всю ситуацию с Эмили, с моей стороны было свинством так к ней отнестись. Как она?

– Она умерла, – ответил он. – Ты не знал?

– Черт. Соболезную, Шон.

Билли посмотрел вниз на свои руки. Шон подумал, что он действительно ему сопереживает. Либо за те двенадцать лет, что они не общались, он научился лучше притворяться.

– Она была хорошей женщиной, – сказал Билли. – Твоя тетя была добра и неплохо ко мне относилась. Даже когда все пошло... Ну, она мне всегда нравилась. Первые пару лет я получал от нее открытки на Рождество, но так ни разу и не ответил, а потом решил, что она потеряла связь со мной. Но оказывается... Черт. Мне так жаль. Когда это произошло?

– Шесть лет назад. Рак груди.

Шон с удивлением обнаружил комок в горле. Одним из его первых детских воспоминаний было то, как они с мамой ездили к ней. Был ли это обычный визит или это оказался один из тех случаев, когда мать попыталась сбежать от отца? Он всей душой любил тетушку Бев, и она отвечала ему взаимностью. Она была тихой, замкнутой женщиной и оказалась не из тех, кто мог дать отпор Саймону Иглу. Но с другой стороны, кто вообще мог это сделать? Тем не менее она пыталась что-то предпринять. Тетушка Бев сделала все, что было в ее силах, чтобы спасти свою сестру. Но этого оказалось недостаточно. Возможно, именно поэтому она с таким рвением занималась Шоном после того пожара.

– Да, она была хорошей женщиной.

В кабинете внезапно стало на удивление тесно, несмотря на то что он был до смешного огромен. Шон прекрасно понимал, что это сумасшествие: иметь кабинет, занимающий пол-этажа здания. Но в каком-то смысле этим он демонстрировал свою силу. Ему не нужно было иметь такой нарочито огромный кабинет, скорее это был способ Шона показать каждому, кто входил, что с ним придется считаться, что он наделен властью и может делать все, что вздумается. Но в этот момент Шону показалось, что кабинет сжался и в нем стало совсем тесно. Он не хотел говорить ни о тетушке Бев, ни о своих родителях.

– И все же речь не о тетушке Беверли. Я просто хотел сказать, что она была права, когда хотела, чтобы я оставил себе этот кусок земли. Несмотря на то что раньше я не мог дождаться момента, когда избавлюсь от него.

– И от плохих воспоминаний.

– Ты когда-нибудь еще ездил туда? – спросил Шон. Он сам удивился тому, что этот вопрос сорвался с его губ. Нельзя было сказать, что сподвигло его на эти слова. Билли тоже явно удивился.

Прищурившись, он смотрел на него и молчал. А затем наконец резко помотал головой:

– Нет. А вот Эмили ездила.

Теперь пришел черед Шона удивляться:

– Seriously?

– Она ходила в поход с сестрой...

– С Бет?

– С Бет. И со своим зятем. Эмили летала в Чикаго, а потом они втроем сели в машину и на несколько недель отправились в поход по Аппалачской тропе¹⁸.

– А ты не пошел?

– Это не совсем мое. По дороге домой они сделали крюк, чтобы просто посмотреть на это место, и заночевали там. Эмили говорила, что было страшно до чертиков ночевать в палатке в одиночестве, в сотне ярдов от сестры и ее мужа. А вот Бет там понравилось. Она утверждает, что именно там они зачали моих племянниц. В общем, вот, Эмили туда ездила, а я – нет. Боже. Поверить не могу, что ты решил оставить поместье себе.

Шон кивнул.

– Что ж, я тоже, но каждый раз, когда я хотел его продать, что-то мне мешало.

И это что-то мешало ему до сих пор. Шону казалось, что ему в грудную клетку всадили крюк. Несколько раз за последние годы он был близок к тому, чтобы продать поместье, но так и не решился сделать это. Всегда, когда он хотел приказать своим адвокатам избавиться от этого места, его прошибал пот, а горло сдавливало. Вопрос был не в том, хочет Шон или не хочет продавать эту землю. Он просто не мог ее продать.

– Я его отреставрировал, – Шон замолчал. Вот и все. Момент настал. – Билли, послушай, я предлагаю тебе работу. Я хочу... нет, мне нужно, чтобы ты туда поехал. Послушай, Билли, я понимаю, что все это слишком сложно. Вот я прихожу и прошу тебя сделать что-то для меня. Но на самом деле это хорошо, ведь я могу тебе помочь. Оставим прошлое в прошлом: мы все сделали свой выбор. Позволь мне помочь тебе.

Шон подождал с минуту, пока Билли ответит. Его бесило, что ему была нужна помощь Билли. Он любил быть у руля и привык командовать и делать все по-своему. К тому же когда у тебя много денег, то, скорее, ты нужен людям, а не они тебе. Но черт побери, Шону был нужен Билли, и он считал так: слова о том, что с его стороны это отнюдь не благотворительность, изменят накал в их возобновленных отношениях. Шон не знал, станут ли они теплее или прохладнее, но какие-то изменения все равно грядут.

– Не могу сказать, что не жалею обо всех своих решениях. Есть такие моменты, которые я бы изменил, если б мог. Разве ты не того же мнения? Нет ничего, что ты хотел бы исправить?

Они оба предпочли промолчать о том, что это были за решения, но Билли неохотно кивнул.

– Все не так безумно, как кажется, – продолжил Шон. – Если бы я пригласил вас с Эмили жить в моем доме здесь, в Балтиморе, со мной, тогда да, это было бы странно. Но я не прошу об этом. Мы практически не будем видеться. Я не собираюсь делать нелепые и безумные попытки, пытаюсь воссоздать жизнь в хижине или вернуть Эмили.

Или все же так и есть?

Нет. Он был уверен, что нет.

Шон замолчал и сделал глоток водки. Он ни за что бы в этом не признался, но было очевидно, что он нервничал, снова находясь в одной комнате с Билли. Он выглядел намного старше, чем раньше, и Шон на мгновение решил, что приехал не тот человек.

– Эмили сделала свой выбор между нами двумя уже очень-очень давно, Билли. Тебе не стоит об этом волноваться.

Наверное, он не был так уж в этом уверен. Людям свойственно менять свое мнение, и Эмили могла передумать. Вне всяких сомнений, она сделала неверный выбор.

¹⁸ Тропа протяженностью 3,5 км по пешеходному туристическому маршруту в североамериканской горной системе Аппалачи.

И возможно, Билли думал так же, потому что он, казалось, рассердился.

– Ты что, – сказал Билли, – хочешь, чтобы я был сторожем? То есть ты поразмыслил, выяснил, что у нас тяжелые времена, и решил, что можно кинуть мне подачку? Хочешь заставить меня быть у тебя на побегушках, чтобы повысить свою самооценку? Ты за этим меня сюда позвал? Собираешься предложить мне жить в твоём крошечном особнячке на севере Нью-Йорка? Это что, такой странный способ вернуть былые времена, указав мне на мое место во всей этой истории? – Он встал. – Иди ты к черту, Шон. Я тебе не ручная обезьянка, которую можно держать в клетке, и не мальчик на побегушках.

Шон должен был догадаться, что Билли так отреагирует. Все вышло не так, как он задумывал. Они давно не виделись, но некоторые вещи никогда не меняются. Шон начал разговор с их общей истории, а надо было начать с вызова.

– Просто выслушай меня, ладно? – попросил Шон. – Я не стану отнимать у тебя много времени, обещаю. У меня была причина вызвать сюда тебя. Именно тебя. Я делаю это не ради благотворительности. Это никак не связано с чувством вины, и я не пытаюсь исправить ошибки прошлого. У меня есть работа, которую нужно сделать: она для Билли Стаффорда, и никто другой с ней не справится. Это не какая-то там подработка сторожем: мне не нужно, чтобы ты жил в доме, чинил бойлер, скидывал снег с крыши и занимался обычными делами, – и он не смог промолчать, – к тому же это не крошечный особнячок.

Как только слова сорвались с его губ, Шон понял, что этого говорить не стоило.

Билли помотал головой и двинулся к выходу из кабинета. Он поднялся по трем ступенькам, вышел из зоны отдыха, расположенной в углублении, и повернулся к свету, падающему из окна. Шон ринулся за ним и, схватив Билли за плечо, удивился, когда тот развернулся, замахнувшись кулаком.

Шон замер.

Билли тоже замер, все еще держа кулак наготове. Шону стало интересно, как долго они так простоят: Билли выжидал момент для нападения, а Шон думал, что его вот-вот ударят. Наконец – было такое чувство, словно прошла тысяча лет, – Билли разжал кулак и скинул руку Шона со своего плеча.

– Ты все еще собираешься испытывать мое терпение? – Шон отступил на шаг.

– Эй. Прости, хорошо? Я серьезно. Не только за... Прости, ладно? Возможно, между нами слишком много всего произошло. Возможно, это дурацкая идея. Прости. Я подумал, если ты выслушаешь меня, попробуешь выслушать...

Он опустил голову и стал ждать. Шон правда чувствовал себя виноватым не только потому, что притащил Билли сюда и начал сыпать ему соль на раны, и не потому, что не смог объяснить, в чем заключается работа. Он был виноват во всем. Из-за него больше не было того, что их связывало, и им приходилось хранить эту тайну. Винил Шон себя и за то, какие решения он принимал в прошлом. Но больше всего его беспокоило не это: даже стоя здесь, в своем огромном роскошном кабинете, и глядя на здания, принадлежащие его огромной величественной империи, где-то в глубине души он думал, не оказался ли Билли в выигрыше, покинув хижину вместе с Эмили.

К его удивлению, спустя несколько секунд Билли кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Ты извинился. Я не говорю, что прощаю тебя, но я тебя выслушаю.

– Правда? Отлично! – Шон хлопнул в ладоши и расплылся в улыбке. – Как насчет суши? Считаю это поздним обедом или ранним ужином, как хочешь. Рядом с гаванью есть отличное место, откуда открывается шикарный вид.

Билли снова кивнул, и Шон прошел к двери кабинета и велел Венди вызвать машину.

По дороге туда они с Билли почти не разговаривали. Шон продолжил разговор только тогда, когда они втиснулись в кабинку у окна на втором этаже ресторана.

– Земля передавалась по наследству из поколения в поколение. Мой прадед построил особняк Игл сразу после Первой мировой войны. Это был курорт, рассчитанный на богатых и знаменитых.

– Мне все это известно, Шон. Забыл, что я провел там с тобой почти два года? Я знаю всю историю. Сколько раз мы напивались и рассказывали страшилки о том старом месте? Я помню все это дерьмо о твоём дедушке. Говорили еще о двух влюбленных подростках, которые пошли туда и пропали бесследно, и о кучке охотников, которые укрылись от грозы и один за другим странным образом покончили с собой в последующие несколько лет. Бла-бла-бла.

– Просто послушай, хорошо? Позволь мне сделать все по-своему. Я репетировал этот момент и не хочу облажаться.

Шон включил харизму на полную, и хотя Билли мог ясно видеть сквозь всю эту мишуру, он расположился поудобнее, чтобы насладиться шоу.

– В общем, – продолжил Шон, – в те времена о нем ходила слава. Туда ездили политики, бейсболисты и кинозвезды. Все, кто хотел отдохнуть от Нью-Йорка, Бостона и Чикаго. Можешь сам проверить: это все есть в газетных вырезках. Он процветал в годы сухого закона. К тому времени, как ты туда приехал, это место превратилось в настоящую помойку. Учитывая, что хижина, в которой мы жили, была лучшим вариантом во всем поместье, нетрудно догадаться, в какую разруху пришел особняк. Но ты бы видел его на фотографиях времен расцвета! В процессе реставрации мы постарались максимально восстановить былой облик: было бы дешевле все снести, но я хотел сохранить его историю. Ну, то есть сохранить и обновить его. По большей части мы перестраивали дом, а не реставрировали, и я также добавил по-настоящему современную надстройку: она будет служить моей частной резиденцией, когда я буду в поместье. Я хочу сделать так, чтобы в особняке Игл отдыхала только IT-элита; вход исключительно по приглашению. Особняк прекрасен, но без надстройки и обновлений это, по сути, всего лишь люксовый отель. Если закрыть рукой надстройку, легко можно представить, что он стоит где-нибудь в Адирондаке или каком-нибудь национальном парке. Но в этом то все и дело. В нем есть дополнительные плюшки, и он оснащен кое-чем, о чем мы всегда мечтали, – вот в чем дело. Это не просто особняк, – сказал он.

Шон откинулся назад и посмотрел на Билли в упор. Затем он произнес медленно, с расстановкой, подчеркивая каждое слово:

– Это будущее, Билли, и я хочу, чтобы ты был его частью.

Он ждал. Никакой реакции. Билли встретился с ним взглядом.

– Будущее, – повторил Шон, практически бурля от нервов.

Уголки губ Билли дрогнули, а затем он рассмеялся. Он хохотал громко, от души, хватая ртом воздух. Билли смеялся так, будто ему было все равно, как это выглядит со стороны, и Шон подумал, что, быть может, так и есть. В конце концов, разве у Билли были знакомые в Балтиморе? А с Шоном Иглом из Eagle Technology он обедал не для того, чтобы его впечатлить.

– Боже, ха! – Билли смеялся так сильно, что, к удивлению Шона, у него на глазах проступили слезы. – Ты хоть... о черт побери, о божечки, ты хоть понимаешь, как пафосно это звучит? – он барабанил рукой по столу, а тот издавал глухой радостный стук. Билли сделал голос пониже, пытаясь грубо спародировать Шона: – «Это не просто особняк. Это будущее, и я хочу, чтобы ты был его частью»? Брось. Прибереги это до следующего запуска своего нового телефона.

Шон вспыхнул. Он был не только исполнительным директором Eagle Technology, но и лицом компании. Именно он дважды в год по окончании пресс-релизов скакал по сцене, анонсируя их новый суперпродукт, и держал в руках новейший образец современной магии. Eagle Technology специализировалась на симпатичных гладких кусках стекла и металла, и несмотря на то что все они были лишь новой вариацией на одну и ту же тему, люди раскупали их в мгновение ока.

– Хорошо, – сказал Шон. – Дай мне еще один шанс. Знаешь, я ведь все продумал. Я подготовил небольшой бизнес-план специально для тебя и продолжаю все делать неправильно. Говорю о том, как мы работали в хижине, о том, что случилось с... – он чуть не произнес это имя: Таката. Но все же сдержался. – Вспоминаю Эмили и тетушку Беверли, рассказываю о старых историях. А потом пытаюсь продать тебе эту работу, словно новый смартфон.

– Может, – сказал Билли, отхлебывая содовую из стакана, – тебе не стоит мне ничего продавать? Я уже однажды на это купился, и мне хватило с лихвой.

Шон кивнул:

– Ты нужен мне, Билли. Именно ты. Только ты сможешь во всем разобраться.

Ресторан был практически пуст. Они пришли в тот уютный час дня, когда для засидевшихся обедающих было уже слишком поздно, а для вечерних адептов суши еще слишком рано. На первом этаже ресторана сидел мужчина в костюме и галстук, рассеянно ковыряющийся в остатках роллов, и даже несмотря на то, что владелец и двое официантов, стоявших у входа, узнали Шона – а даже если бы не узнали, трудно было бы игнорировать команду из охранников: шестерых парней, которые выглядели как единое целое, – они приняли у них заказ и поняли намек: Шон не хотел, чтобы их беспокоили. Он сам не понимал, зачем привел Билли сюда, когда можно было заказать еду в офис или, наоборот, выпендриться, подождать и отвести Билли на ужин в какое-нибудь до ужаса трендовое место, только чтобы заставить его чувствовать себя неудобно. Зачем Шон привел его сюда? Может, потому, что это напомнило ему о том, как они иногда шикавали и покупали суши из супермаркета Wegmans¹⁹ в Кортэке, когда еще кодили вместе?

– Шон, бога ради, объясни уже, о чем ты говоришь.

Шон подался вперед и понизил голос. Вряд ли кто-то их подслушивал, но излишняя осторожность не помешает.

– Я сделал это, – сказал он. – Знаешь, о каких дополнениях я говорю? Это она. Знаешь, что я сделал, когда перестроил особняк и внес дополнения? Я установил там ее.

На долю секунды Шону показалось, что Билли не понял, о чем он говорит, но затем он изменился в лице: сначала на нем отразилось смущение и непонимание – как такое возможно?! Потом очень быстро промелькнул гнев – Шон даже подумал, что ему показалось, – и наконец изумление.

– Нелли?

Шон кивнул.

Нелли. Глупое имя, но, в отличие от Eagle Logic, программы и операционного языка, благодаря которым работало все в Eagle Technology, – это была гениальная идея, которая сделала Шона одним из богатейших людей в мире. Они не подбрасывали монетку, чтобы выбрать название: он дал программе имя Нелли, и оно к ней приклеилось.

«В определенном смысле Нелли и Eagle Logic можно было назвать кузинами, – подумал Шон. – Или, может, предками». Нелли была всего лишь мечтой, а в Eagle Logic воплотилось то, что действительно могло сработать в реальности. Нельзя сказать, что Eagle Logic не произвела революцию в своей сфере, но программа была достаточно продвинутой, чтобы он смог построить империю Eagle Technology на ее основе. Eagle Logic можно было сравнить с первыми человекообразными, которые начали ходить прямо: речь была не о том, что они стояли на высшей ступени эволюции по сравнению с другими обезьянами, а скорее о том, что хождение на двух ногах вместо четырех позволило им использовать орудия труда. Пожалуй, это был наилучший способ объяснить, что представляла собой Eagle Logic по сравнению с подобными ей программами и по сравнению с тем, что предлагали Google, Apple, Microsoft и Amazon. Этого было достаточно, чтобы у Eagle Technology появились преимущества, которые были необхо-

¹⁹ Американская сеть супермаркетов.

димы Шону, чтобы превратить ее в компанию-тяжеловес и оставить других позади. Но мог ли он утверждать, что это было нечто радикально новое? Нет. А вот Нелли действительно стала прорывом и всегда была на шаг впереди. Это даже эволюцией назвать нельзя было.

Революция.

– Да, черт побери, – сказал Шон Билли, – я сделал это! Сколько времени утекло с тех пор, как мы впервые начали писать Нелли? Сколько времени утекло с тех пор, как мы поняли, что, даже если нам удастся разобраться с программным обеспечением, того железа, которое у нас было, недостаточно для его поддержки? Помнишь, как в самом начале нам пришлось признать, что мы слишком на многое замахнулись, и в итоге пришлось ограничиться тем, что в конечном счете превратилось в Eagle Logic? Помнишь то дерьмовое чувство, которое охватило нас, когда мы поняли, что придется забыть о Нелли? Да, Eagle Logic хороша, но она всегда была лишь компромиссом. Теперь мы больше не обязаны с этим мириться, – сказал Шон. – Я серьезно. Боже, Билли, я сделал это: она там, ждет тебя в особняке Игл. Программа повсюду: в стенах, в полу и в потолке, в ступеньках, в освещении и в каждой гребаной комнате. Она в особняке, – он рассмеялся. – И не просто в особняке – Нелли и есть особняк, Билли. Я чувствую ее: она дышит и ведет себя как живая.

Шон откинулся назад. Он вдруг почувствовал огромное облегчение и понял, что ждал того момента, когда сможет рассказать все Билли. Именно этого он хотел больше всего остального. Он мог пощеголять деньгами, рассказать о своих успехах и поболтать о старых добрых временах, но все это не привлекало его так сильно. Больше всего Шон ждал того момента, когда он сможет рассказать о Нелли.

– Но? – спросил Билли. – Здесь есть какое-то «но». Потому что если ты и правда это сделал, то зачем я здесь?

Шон подождал, пока официант подаст им еду. Он заказал немного, потому что сегодня ему еще нужно было идти на благотворительный вечер, который его попросили организовать ради Балтиморского оркестра. Шон знал, о чем его просили на самом деле: «Подпишите нам, пожалуйста, чек примерно на сто тысяч или около того». Но он согласился, так как любил камерную музыку или, по крайней мере, саму ее идею.

Шон наблюдал за тем, как Билли набросился на суши, и с удовольствием отметил, что тот голоден как буквально, так и фигурально. Он знал, что Билли старается держаться как ни в чем не бывало, но Шон также мог с точностью, вплоть до копейки, сказать, насколько сильно Билли и Эмили погрязли в долгах. Его служба безопасности провела тщательное расследование: они перекопали все грязное белье, которое только смогли найти, и не только. Шон знал о Билли больше, чем кто-либо. Обо всех ли кредитках было известно Эмили? Знала ли она, как сильно накосячил Билли, на какое дно они опустились, или она все еще тешила себя какими-то надеждами?

Шон взял в руки палочки и закинул в рот кусочек сашими из лосося.

– Ну да, – сказал он, прожевав рыбу. – Есть одна проблема, – он глянул на часы. – Слушай, мне самому это не нравится, особенно учитывая наше общее прошлое, но у меня сейчас встреча, которую никак нельзя отменить, а вечером мне надо посетить одно мероприятие. Ты согласен остаться еще на денек? Мне нужно идти, но я попрошу Венди продлить бронирование в отеле. Заканчивай обедать, а потом машина отвезет тебя обратно в гостиницу. По-моему, сегодня играют «Ориолс»²⁰: если хочешь, сходи на игру. Ложа компании в твоём распоряжении. С утра первым делом сядем в самолет и слетаем посмотреть особняк: сможешь сам увидеть Нелли, и тогда ты поймешь, зачем мне нужен.

– Кажется, ты сказал, что все твои самолеты сейчас недоступны. Насколько я помню, два из них в ремонте, а последний одолжила Тейлор Свифт.

²⁰ Балтиморский бейсбольный клуб.

Шон оценивающе посмотрел на Билли. Мужчина перед ним был уже не тем мальчишкой, которого он знал. Он как-то странно притягивал к себе. Шон задумался о том, насколько Билли изменил алкоголь. Он был уверен, что напарник все еще оставался собой. Ум у Билли был по-прежнему острым, пусть он и похоронил его под кучей мусора.

– Пойман с поличным, – ответил он и улыбнулся. – Что сказать? Я дерьмо. Я решил, что тебе понравится место в первом классе и поездка на лимузине.

Билли несколько секунд смотрел в окно, и Шон действительно на долю секунды испугался, что он уйдет. Но он уже был на крючке.

– Ты оказался прав. Путешествие в первом классе оказалось лучшим за всю мою жизнь. Но ты так и остался сволочью, – сказал Билли. Однако, говоря это, он улыбался.

– Знаю, – произнес Шон. – Кое-что никогда не меняется, я прав?

Билли постучал пальцами по столу и кивнул.

– С утра ты первым делом отвезешь меня посмотреть на Нелли?

– Первым делом, – подтвердил Шон. Он встал из-за стола, чтобы уйти, но Билли его остановил.

– Просто скажи, – попросил Билли. – Ты взломал ее, но все же я здесь. И по твоим словам, только я могу тебе помочь. Так зачем я здесь, в конце концов? Что такого тебе от меня понадобилось?

– Можно сказать, что мне нужен экзорцист.

– Экзорцист?

– Скажем так, в машине завелся дух.

Глава 4. Она сделала свой выбор

Эмили Уиггинс обняла Перси и отдала малышу его одеяльце. У Перси случился казус во время тихого часа, поэтому Эмили помогла ему переодеться в запасную одежду, хранившуюся в его шкафчике, и прокрутила остальную одежду и одеяло в стиральной машине и сушилке. Пушистое желтое одеяльце со зверями было еще теплым после сушилки, словно уличный камень в летний день, после того как солнце уже зашло. Перси зажал одеяло под мышкой и прошел к столику, на котором Энди Скугинс, их второй воспитатель, выложил на подносе нарезанную морковь. Эмили ни за что бы не произнесла этого вслух, но Перси был ее любимчиком. Отчасти, возможно, из-за того, что его мать была той еще штучкой. В глубине души Эмили верила, что, даря Перси Хедриджу чуть больше любви, чем всем остальным детям, она каким-то образом сумеет его спасти.

– Какой позор, что мальчик его возраста ходит под себя, – сказала миссис Хедридж.

Миссис Хедридж, маме Перси, было слегка за сорок. Многие женщины из тех, которые водили детей в сад, были в этом возрасте. Они ставили карьеру на первое место и старались оттянуть рождение детей, насколько это было возможно. Это была одна группа мамочек. Вторую группу составляли женщины, которые никогда не хотели детей, пока не поняли, что завести ребенка – это все равно что получить некий трофей и доказать, что они могут получить все и сразу, то есть мужа, детей и успешную работу. Миссис Хедридж, как подозревала Эмили, была из последней категории.

Большинство матерей, которые хотели сперва построить карьеру или тянули с детьми, потому что еще не встретили нужного мужчину, слишком опекали своих чад. Они провожали детей в группу, ждали там еще пять, десять или пятнадцать минут и, прежде чем уйти, по многу раз обнимали и целовали своего малыша. Такие матери постоянно спрашивали Эмили: почему, ну почему группы детского сада «Яркое яблочко» не оснащены веб-камерами, чтобы они могли постоянно приглядывать за Джимми, или Джеффри, или Дженни? Или зачастую за Дакотой, Силикой, Рэйвен, Теслой и еще каким-нибудь ребенком, имя которого призвано доказать, что это дитя не такое, как все остальные.

Родители, склонные к гиперопеке, разговаривали с Эмили шепотом, чтобы не смутить своих прелестных сокровищ, и просили ее посоветовать им веб-сайты, книги и статьи о том, как сделать так, чтобы дети чувствовали себя уверенными в себе, несмотря на то что писаются в штанишки. А вот миссис Хедридж гиперопекой определенно не страдала. По утрам она зачастую вообще не выходила из машины. Она была одной из немногих родителей, которые просто притормаживают у входа в здание, а их дети выходят из машины и в одиночестве бредут внутрь. Пожалуй, это нравилось Эмили в Перси больше всего. Она смотрела, как он сползал со своего сиденья на тротуар – мальчик был слишком мал, чтобы просто ступить на него, – с рюкзачком за спиной, на котором был изображен Винни Пух, и заходил в садик, ни разу не оглянувшись на закрывающуюся автоматическую дверь материнской машины. Храбрый маленький воин. Однако раз уж Эмили честно призналась, что любит Перси чуть больше, чем остальных мальчиков и девочек, ей приходилось также признать, что детям требовалось не так уж много смелости, чтобы войти в садик «Яркое яблочко». Неважно, были с ними родители или нет.

Большинство крупных IT-компаний уже много лет как стали устраивать детские сады на своей территории, но такие заведения, как «Яркое яблочко», все еще были широко востребованы, ведь здесь ребенку уделяли много внимания, а в здании фирмы это могли обеспечить не всегда. До того как Эмили сюда устроилась, она работала в детском саду, изюминкой которого было то, что он располагался в плавучем доме и был сооружен в морском стиле. Странно, но этот садик был на удивление популярен среди некоторых отцов, чьи увлечения, как подозревала Эмили, сильно ограничивались из-за синдрома Аспергера. Особенностью

«Яркою яблочка» был упор на защиту окружающей среды и органику. Детей кормили органической морковью, которую поставляли местные фермеры, обеспечивающие садик сезонными овощами и зеленью, а моющее средство, которое Эмили добавила в стиральную машину вместе с пропитанной мочой одеждой и одеялом Перси, гарантировало, что в нем нет аллергенных веществ и оно безопасно для окружающей среды.

– В этом нет ничего страшного, миссис Хедридж, – сказала Эмили. – Перси всего четыре. Это нормально, если у детей его возраста случаются подобного рода казусы. Многие дети в группе все еще надевают подгузники-трусики во время тихого часа.

– Одноразовые подгузники? – спросила миссис Хедридж.

«Уж кому-кому, а не ей нас критиковать», – подумала Эмили. Она готова была поспорить, что углеродный след, оставляемый миссис Хедридж, утер бы нос снежному человеку.

– Биоразлагаемые, – ответила Эмили. – Деткам помладше мы надеваем тканевые памперсы, но старшие дети наотрез от них отказываются, поэтому мы приобретаем биоразлагаемые подгузники, сделанные из органических материалов. Сказать по правде, я не уверена, что они так же надежны, как и обычные, но они помогают. К тому же их можно добавить в компост.

– Ну, Перси, во всяком случае, – сказала миссис Хедридж, фыркнув при одной мысли об этом, – не будет снова носить подгузники. Он уже не младенец.

– Я не предлагаю снова надевать Перси подгузники. В первые шесть месяцев в моей группе с ним не случилось ничего подобного; он начал мочиться во время тихого часа только в последний месяц или около того, – сказала Эмили. – У него были с этим проблемы в предыдущем садике или, может, в его жизни происходит что-то еще, о чем нам стоит знать?

Ей была известна правда: Перси рассказал обо всем. Можно сказать, он посвятил ее в тайну, хотя, по мнению Эмили, вряд ли Перси понимал, что выдает секрет. А вот она была уверена в этом, как и в том, что миссис Хедридж придет в ярость, если узнает, о чем Перси рассказал Эмили. Оказалось, что мистер Хедридж спит на диване, потому что мамочка назвала его лгуном и сукиным сыном. Нет ничего удивительного в том, что из-за такой обстановки в доме Перси переживает период регрессии. Эмили часто наблюдала подобное у своих подопечных. Появление нового малыша в доме, новая работа, из-за которой мамочке приходится часто находиться в разъездах, предстоящий развод, предстоящий новый брак разведенных родителей. Иногда дети реагировали так даже на хорошие новости. Их стресс не всегда выражался в том, что они ходили под себя во время тихого часа, но каким-то образом он в любом случае проявлялся. Дети ничего не умеют скрывать и доверяют свои секреты ей. А она не нарушает свою преданность им. Как бы сильно ей ни нравились их родители, она всегда на стороне детей.

Однако в этом случае ей не особо нравилась родительница, и отчасти хотелось задать миссис Хедридж вопрос, почему ее муж спит на диване. Было бы интересно узнать, не изменяет ли ей муж потому, что миссис Хедридж холодная, бесчувственная стерва? Эмили хотела сказать, что если да, то она втайне счастлива, потому что миссис Хедридж была воплощением того понятия, которое рифмуется со словом «звезда». Хотя другую женщину Эмили бы ни за что так не назвала.

– Нет, – холодно ответила миссис Хедридж, – не было никаких проблем, как вы выражаетесь. Перси не мочился в штанишки в предыдущем садике. Он носил подгузники, пока я не приучила его к горшку, и с тех пор не ходил под себя. Так что чем бы вы здесь ни занимались, вам стоит пересмотреть ваши методы. Например, для начала не давайте ему сок в обед.

Эмили не стала утруждаться и объяснять миссис Хедридж, что в садике «Яркою яблочко» вообще не дают детям соки: ни на обед, ни на завтрак, ни в полдник – никогда. На самом деле одной из фишек «Яркою яблочка» была собственная органическая кухня на территории садика. Здесь действовал строгий запрет на искусственные сахара, и на кухне готовили все угощения для дней рождений и утренников: овсяное печенье, подслащенное кокосом и медом, инжирные батончики, замороженный фруктовый йогурт на палочке и семена граната с маком.

Вместо этого Эмили сделала то, что ей удавалось лучше всего: успокоила и потешила самолюбие миссис Хедридж, решив, что завтра просто уделит больше внимания Перси.

Следующие тридцать минут в группу заходили родители, перебрасывались парой слов с Энди и Эмили, а затем помогали своим детям отнести поделки из палочек от мороженого, глиняные горшки для комнатных растений и другие их творения в стоящие снаружи электрические машины, а в некоторых случаях – к велосипедам с прицепами. Ее поражало, как некоторые родители умудряются носить одежду из секонд-хендов, ездить на великах и вести себя так, будто матушка-природа – единственное, что их волнует, а капитализм – это сплошная фикция. Хотя при этом они, и глазом не моргнув, могли позволить себе выложить кругленькую сумму за садик «Яркое яблочко». Мало что из этих денег попадало в карман Эмили. Она считала, что ей неплохо платят, точно больше, чем она заработала бы, если бы трудилась в кофейне или где-то еще. К тому же Эмили любила детей, но размеры долгов, в которые они с Билли влезли... Нет, больше она не будет прикрывать его. Долги, в которые влез Билли, были слишком большими. В этом виноват один только Билли – не она. Но Эмили сделала свой выбор. Она приняла решение и могла помочь ему вычерпать воду из лодки, пока не потонет сама.

– Эта женщина – просто сказочная сука, – сказал Энди, как только забрали последнего ребенка и они закрыли дверь в группу. – Будь она динозавром, ее можно было бы назвать сукозавром.

Эмили рассмеялась, закрывая уши руками. Ей не слишком нравилось слово «сука» – слишком часто слабые мужчины использовали его, чтобы выместить свою злобу на сильных женщинах, – но когда его произносил Энди, было и впрямь смешно. И ей даже не нужно было спрашивать, о ком он говорит. И так было понятно, что речь идет о матери Перси. Миссис Хедридж хватило наглости пойти к владелице школы и пожаловаться, что, по ее мнению, Перси стал вести себя «женоподобно», с тех пор как попал в группу к Энди. Ей ответили, что, если есть какие-то проблемы, миссис Хедридж может отдать Перси в другой садик.

Владелица школы Моника была сестрой Энди, но Эмили хотелось думать, что она бы сказала так в любом случае. Энди, безусловно, был женственен, и отчасти поэтому дети обожали его. Он был толстый, лысый и чем-то походил на плюшевого мишку. Читая детям сказки, Энди говорил разными голосами, и как бы сильно Эмили ни любила мальчиков и девочек из своей группы, именно к нему они шли в поисках утешения. До того как Энди устроился в детский сад к сестре, он работал менеджером чего-то там в Google и успел сколотить приличное состояние, прежде чем вернуться домой, в Сиэтл. Хотя номинально владелицей садика была Моника, Эмили знала, что изначально именно Энди одолжил ей денег, чтобы купить здание и начать свое дело. Для него, несомненно, было важнее всего проводить время с детьми, и это была лучшая часть их работы, несмотря на то что у Энди был грязный язык, который он любил поразмять после трудового дня.

– Если бы она была кораблем, ее бы нарекли Сучтаником, – продолжил Энди. – Если бы она жила в шкафу и любила пугать детей, она была бы буквой на букву «с». А если бы она оказалась разбойницей, у нее была бы суковатая дубина. Поганая, злобная сука, – сказал он.

– Ох, прекрати, пожалуйста, – попросила Эмили, не в силах перестать смеяться. Впрочем, через минуту она не смогла отказать себе в удовольствии подначить Энди: – Постой, давай-ка все проясним: так ты считаешь, что миссис Хедридж...

– Су-у-у-у-персложная дама, – сказал Энди, и оба рассмеялись, заканчивая приводить группу в порядок.

Они вместе вышли на парковку для персонала, и он облокотился о капот своего винтажного «порше». Энди утверждал, что стесняется своей машины, но также, по его словам, благодаря ей он был неотразимым в глазах молодых, холеных, мускулистых мужчин, придавали ему статус в глазах мужчин. Так разве можно было в таком случае от нее избавиться?

– Давай начистоту, – говорил Энди, – у меня есть шарм и деньги, но вот внешность подкачала. Я мог бы купить себе хороший, новый, люксовый автомобиль, но он мне чем-то поможет только в том случае, если я приклею чек на лобовое стекло. Если перестать транслировать свое богатство с помощью этого нелепого антикварного чудовища, мне придется рассчитывать только на харизму.

По крайней мере, так он сказал в прошлом году, когда Эмили спросила его о машине. Тем временем Энди начал встречаться. И казалось, что эти двое влюблены друг в друга.

Любовь. Это загадочная штука. Эмили была почти уверена, что Билли все еще любит ее. И она тоже пока еще любит его. Эмили была уверена в этом: не просто так ведь она вернулась к нему. Но временами ей приходили в голову такие мысли: что, если он попадет в аварию по пути с работы домой, что, если он волшебным образом исчезнет? Насколько легче стала бы ее жизнь, если бы его больше не было? Если бы только она смогла исправить ошибки прошлого! Ей становилось страшно от таких мыслей.

– Он возвращается? – спросил Энди, и Эмили на секунду показалось, что он прочел ее мысли. Но потом она осознала, что Энди, разумеется, знает о поездке Билли на восточное побережье, которую он предпринял, чтобы встретиться с Шоном Иглом.

– Он вернется завтра. Билли написал сообщение: у Шона там какая-то встреча, на которой он обязан присутствовать, но им нужно подробнее обсудить то, о чем они договариваются. Он ведет себя загадочно, и я, конечно, не разбираюсь во всем этом программировании, но зато, похоже, его поселили в отеле в Балтиморе. Он настолько модный, что это кажется нелепым. Сегодня вечером играют «Ориолс», и ложа Eagle Technology в его полном распоряжении. Обычно мы проводим выходные немного иначе. Боюсь, это его вконец избалует.

Энди склонил голову набок, и ей показалось, что он хочет что-то сказать: может, по его мнению, для всех было бы лучше, если бы Билли вообще не возвращался. Она была уверена: он был готов в очередной раз тихонько намекнуть, что Эмили не обязана продолжать жить в браке с Билли и, вместо того чтобы помогать ему удерживать лодку на плаву, ей стоило бы просто уплыть. Она знала, чего ему стоит сдержаться и промолчать. Молчать было не в его духе и не в его духе было проявлять деликатность в разговорах, но Энди уже не раз прощупывал почву, и Эмили в итоге пришлось попросить его закрыть эту тему. Некоторые темы лучше не затрагивать, и она наконец увидела, что он пришел к тому же выводу.

– Уверена, что не хочешь сходить куда-нибудь поужинать? – спросил он вместо этого.

Эмили покачала головой.

– Это очень мило с твоей стороны, но, честно говоря, провести спокойный вечер в одиночестве – предел моих мечтаний. Почитаю книжку...

– Опять свои грязные романчики почитываешь?

– Ой, брось. Едва ли современные любовные романы можно считать грязными, – сказала она, решив не упоминать, что книга, которую она сейчас читает, попадала в категорию эротики. – К тому же не тебе говорить о грязи.

– Грязный Энди, – сказал он. – Грязный Энди был намного грязнее, прежде чем его одомашнили. Ладно, главное – не посади все батарейки на вибраторе, детка.

Она покраснела, и он на это, как всегда, рассмеялся. Потом Эмили чмокнула его в щеку и села в машину. Дверь закричала петлями, когда она ее открывала. Чтобы закрыть, ей пришлось приподнять ее и потянуть на себя. Эмили действительно хотелось пойти на ужин с Энди, но было слишком неловко навязываться. Если бы они отправились в какое-нибудь недорогое второсортное заведение, которое она могла себе позволить, он был бы недоволен. Энди был не против время от времени шляться по кабакам, как он выражался, но он привык к определенному стилю жизни, который Эмили был недоступен. Он бы, разумеется, с радостью заплатил за нее, как случалось уже не раз: Энди всегда предлагал угостить ее, но ей не нравилось, что она сама при этом испытывает. Эмили ненавидела это ощущение. Она терпеть не могла нищету

и то, что ей приходится считать каждый доллар, но больше всего она не выносила подачки. В молодости ей хватило этого необоснованного чувства стыда, которое ей навязали. Эмили надеялась, что перестанет стыдиться нищеты, когда уедет из дома, но это чувство последовало за ней из Канзас-Сити в университет. Не стоило удивляться, что в Университете Кортаки она тоже чувствовала себя нищенкой. Эмили поняла это в тот самый момент, когда сошла с автобуса в центре Кортаки, но, поднимаясь в гору к кампусу, с потрепанным походным мешком за спиной и сумкой на колесиках, которая волочилась позади нее, она продолжала тешить себя мыслью, что чувство стыда пройдет.

И оно прошло. Ненадолго. И не сразу.

Она даже не потрудилась подать документы в Канзасский университет или Университет штата Канзас. Большинство девчонок из ее школы могли рассчитывать только на общественный колледж. Это в том случае, если им вообще удавалось окончить школу, не залетев. Для тех, кто метил повыше, Канзасский университет и Университет штата Канзас оказались пределом мечтаний. Это были приличные учебные заведения, но они находились недостаточно далеко для нее. Эмили хотела убраться подальше от Канзас-Сити и с чертова Среднего Запада. Ей нужно было уехать прочь. Как можно дальше от отца, его алкоголизма и... Ее мать умерла из-за какого-то «случая»: Эмили была тогда слишком маленькой и ничего не запомнила. Может, если бы этого не случилось, все было бы иначе. Но все же ее мама действительно умерла во время того «случая», поэтому имеем то, что имеем. Ее сестра Бет, на целых пять лет старше нее, была достаточно взрослой и действительно запомнила маму, а не просто какие-то расплывчатые очертания. Но она уехала, когда Эмили училась в восьмом классе, и поступила в Северо-западный университет²¹, где получила стипендию, а потом осталась в Чикаго. Для Бет Чикаго находился достаточно далеко: она больше ни разу не показалась в Канзас-Сити, даже не приехала на похороны отца. Когда Эмили училась в старших классах, они с Бет общались только с помощью редких телефонных звонков, открыток и во время визитов Эмили в Чикаго. Но Бет поступила в Северо-Западный университет, и это доказывало, что уехать отсюда действительно возможно: возможно избавиться от Канзас-Сити, их отца и всего, что с этим связано. Эмили с самого начала решила, что не останется за бортом. Она всю жизнь училась на одни пятерки и сдала вступительные на высшие баллы. Эмили была президентом школьного самоуправления и капитаном команды по кроссу и легкой атлетике, а по выходным она работала волонтером в больнице, подрабатывала няней и продавала в кинотеатре попкорн. Еще Эмили входила в клуб дебатов и отвечала за аудиовизуальную часть зимних школьных мюзиклов.

Она так сильно хотела выбраться из Канзас-Сити, что не встречалась ни с одним мальчиком из школы. Вот уж увольте. На это она не купится, она не будет как ее мать. Эмили эту ловушку за версту чуяла. Красивый парень с красивой улыбкой и вот: ахалай-махалай, ляски-масыськи, а у тебя уже двое детей и пьянчужка-муж. Мальчики не для нее. Только учеба, работа и внеклассные занятия, которые, по ее мнению, позволят ей поступить в колледж по выбору. Она была классическим «стахановцем» и словно пыталась что-то – да нет, всё – компенсировать. Быть может, живи Эмили в пригороде, она была бы обычным ребенком, но в своей школе она оказалась звездой. Консультант по профориентации не знал, что с ней делать, ведь он никогда не видел никого похожего на Эмили Уиггинс.

Для нее было шоком, когда ей внезапно отказали в приеме в Дартмут и Принстон. В один и тот же день. Она была настолько уверена в себе, что даже не заметила, насколько тонкими были конверты. «Уважаемая мисс Уиггинс, благодарим вас за подачу заявления...» Единственный листок бумаги кремового цвета, который должен был стать ее билетом в свободную жизнь, вместо этого был порван на тысячу клочков, которые она скомкала. Удар оказался

²¹ Частный университет, расположенный в Эванстоне, штат Иллинойс.

настолько сильным и неожиданным, что Эмили даже не заплакала. Она просто стояла там, на их покосившемся гниющем крыльце, держала письма из Дартмута и Принстона, смотрела на цветные штампы на печатных бланках и задавалась вопросом, зачем вообще было использовать такую дорогую бумагу. Неужели они рассчитывали так впечатлить абитуриентов, которым отказывали, ожидая, что те, словно защищаясь, вышлют им в ответ чек? Так щенок катается по земле, ожидая, когда его ударят в очередной раз, или девушка, которая считает, что заслужила то, что сделал с ней ее отец.

Вопреки советам сестры, Эмили подала заявление только в пять мест. Бет пошла по самому безопасному пути. Она выпустилась из Северо-Западного университета, стала дипломированным бухгалтером, познакомилась с Ротко и вышла за него замуж, а затем они переехали из съемного жилья в свое собственное в Линкольн-парке²², и она ни разу – ни одного разочка – не приехала в гости. Но Эмили не винила в этом сестру. Если бы могла, она бы тоже уехала и больше не вернулась. Впрочем, Эмили, практически считая это своим долгом, дважды в год прилетала в Чикаго, чтобы навестить Бет. Они все время созванивались, но ее поездки в Чикаго ограничивались тем, что они с Бет могли себе позволить: они встречались пару дней осенью и пару дней весной. Столько времени вместе сестры и проводили – и Эмили таким образом могла увидеть, какая жизнь ее ожидает. Девочки не обсуждали это, но обе знали, что ситуация дома ухудшилась с тех пор, как Бет сбежала. Эмили боялась, что дом затянет ее, как черная дыра, даже если она окажется в восьмистах километрах от него. Словно автострада – это всего лишь веревка, которую отец может притянуть к себе. Нет, она не отправится в Северо-Западный университет. Только не туда. Поэтому Эмили разослала заявления, коих было всего пять, на восток, в большие, маленькие и средние города: в Принстон, который находился в Нью-Джерси, в Хановер (Нью-Гэмпшир), в Дарем (Северная Каролина), в старый-добрый Нью-Йорк (Нью-Йорк) и, разумеется, в Кортаку (Нью-Йорк).

Два письма – тонкие, с приговором внутри – уже вернулись: там был отказ из Принстонского университета со штампом «Принстон, НЙ²³» и из Дартмута со штампом «Хановер, НГ²⁴». Поэтому, когда ей пришел конверт из Кортаки, НЙ, она готовилась к худшему. Эмили была уверена, что это еще один отказ. Она оставила нераспечатанный конверт на прикроватной тумбочке на всю ночь, боясь посмотреть, что там внутри, и открыла его только утром, когда встала, собираясь идти в школу: она думала, что утро вечера мудренее и ей будет легче справиться, когда впереди окажется целый день. Но Университет Кортаки предложил ей стипендию и финансовую помощь. Ее ждали в Университете Кортаки. Ее, Эмили Уиггинс, ждали с таким нетерпением, что готовы были заплатить ей, если она согласится приехать. Ее готовы были встретить с распростертыми объятиями.

Так что она отвергла чуть менее щедрые предложения Университета Дьюк²⁵ и Колумбийского университета²⁶ и все лето заступала на двойные смены: утром и после обеда Эмили упаковывала продукты в магазине, а по вечерам продавала закуски в кино до самого-самого последнего сеанса. Таким образом можно было собрать немного денег, и у нее появился повод уходить из дома, когда отец еще спал, и возвращаться, когда он уже спал. Как только пришло время, Эмили покинула дом до рассвета, крадясь тихо, как мышь, и даже не потрудившись попрощаться с отцом. Она села в автобус и укатила на восток, напрямиком в Кортаку.

В общежитии ей выделили место в комнате на четверых, и хотя ее соседки не пытались унижить ее из-за отсутствия денег, у них ничего не получалось с этим поделать. Это были при-

²² Парк, расположенный вдоль озера Мичиган, штат Иллинойс.

²³ Нью-Йорк.

²⁴ Нью-Гэмпшир.

²⁵ Частный исследовательский университет в Дареме, Северная Каролина.

²⁶ Частный исследовательский университет в городе Нью-Йорк, входит в Лигу плюща.

ятные и чуткие молодые женщины, но они также были из тех, кто считал обучение в Лиге плюща своим неотъемлемым правом. Стейси была из Питтсбурга, ее родители были адвокатами и на выпускной подарили ей новенький, практичный полноприводный внедорожник, чтобы было легче ездить по заснеженному северному Сиракьюсу. Тиллмонт Грейвз – Тилли – вечно жаловалась, что ее мобильник и зимние ботинки на год отстали от трендов: она приехала из Нью-Гэмпшира, и на руках у нее была папина кредитка на случай непредвиденных расходов. Отец Тилли преподавал философию в Дартмуте, одном из тех универсов, которые, как в это ни трудно поверить, отказали Эмили в приеме. Когда Эмили наконец рассказала об этом своей соседке, Тилли удивилась, что кто-то вообще может захотеть жить в таком маленьком городке, как ХанOVER. И разумеется, была еще Мардж: ее мать оказалась внучкой одного из тех людей, которых неизменно именуют нефтяными баронами. Каждый год, все то время, что Эмили училась в колледже, Мардж приглашала ее к себе домой на День благодарения и Рождество, молча и с щедрой руки оплачивала билеты на самолет и комнату в отеле для Эмили во время всех их поездок на весенние каникулы, и при этом все четверо делали вид, что это не так. Они были подругами навек и с самого выпуска ежегодно летом проводили девичники в доме Мардж в Мартас-Виньярд²⁷, а зимой – долгие выходные в пляжном домике Мардж на острове Кауаи²⁸. И это несмотря на то, что Мардж снова приходилось покрывать расходы Эмили, ведь дела Билли пошли совсем худо. Она все еще каждый год отмечала День благодарения в Нью-Йорке в до смешного огромной квартире ее родителей площадью в шесть тысяч квадратных футов: она находилась в Верхнем Ист-Сайде²⁹ и выходила на Центральный парк³⁰.

Отличные подруги, которым в сравнении с Эмили никогда не доводилось рисковать по-крупному.

Эмили выглянула в окно, наблюдая за тем, как Энди погружается в «порше» и этот экспонат из музея спортивных машин покачивается под его весом, а затем повернула ключ зажигания. Энди не приходилось гадать, заведется ли машина. Благодаря его механику этот антиквариат был на ходу. Все, что от него требовалось, – это повернуть ключ, и всякий раз, когда он это делал, «порше» издавал рев, намекая на мощность своего двигателя. К счастью, на этот раз машина Эмили тоже завелась с первого раза. Просить Энди подтолкнуть ее было бы так же унижительно, как соглашаться, чтобы он заплатил за ее ужин.

Боже, как ей стыдно. Был момент в жизни Эмили, когда она действительно думала, что все это осталось позади, и верила, что, окончив Университет Кортаки, она получит пропуск в новую жизнь.

Но она университет не окончила.

Если бы раньше кто-то сказал ей, что она пустит все коту под хвост, бросит колледж после третьего курса, окажется на мели и будет работать в детском саду в Сиэтле, Эмили бы ни за что в это не поверила. Она бы никогда не подумала, что ее брак временами будет висеть на волоске и все это случится из-за мальчишки... Мальчишек. Он был не один. Когда она с ними связалась, Шон Игл и Билли Стаффорд были именно мальчишками. Они жили в хижине в лесу и с таким трудом сводили концы с концами, что в кои-то веки по сравнению с ними Эмили почувствовала себя богачкой.

Но она сделала свой выбор. Все они сделали.

Эмили подождала, пока Энди уедет, а затем выключила зажигание.

Она горько заплакала и не могла вести машину.

²⁷ Мартас-Виньярд (с англ. «виноградники Марты») – остров в штате Массачусетс.

²⁸ Один из гавайских островов.

²⁹ Квартал на Манхэттене, Нью-Йорк.

³⁰ Один из крупнейших парков в США, расположен в Нью-Йорке.

Глава 5. Тете Эмили грустно

Близнецы всегда входили в ее комнату бесшумно. Вот Бет крепко спит, рядом храпит ее муж Ротко, и вдруг она внезапно просыпается, чувствуя на себе взгляд девочек. Рут и Роуз были слишком маленькими для своего возраста. Издалека, особенно играя со своими одноклассниками, они казались намного младше семи лет. Но их крошечные размеры не объясняют того, как им удается так бесшумно передвигаться по ночам. Днем, играя, девочки создают такой шум, словно по лестницам бегают стая волчат, а за ними носится их голдендудль³¹ Расти. А когда они отправляются на поиски так называемых приключений, Бет зачастую путает их крик с завыванием аварийной сирены.

По правде говоря, практически с того самого времени, как они были зачаты, она ожидала, что вот-вот случится какое-то несчастье. Бет смеялась над рассказами сестры о старом жутком особняке Игл и всегда любила место, где были зачаты девочки – она тщательно следила за своим циклом, – но во время беременности ее преследовали тревожные события и зловещие предзнаменования. Вентиляция начинала издавать странные звуки, когда она засыпала, на улице ей дорогу переходили кошки, и ее трясло от кошмаров. Ротко считал, что Бет стала слишком чувствительной и рассказывает бабушкины сказки, но даже его насторожило то, что обе девочки родились в одежде. Они бы испугались, даже если бы только на одной из них был фрагмент амниотического мешка – или что там из себя представляет эта «одежда», – но в таком виде на свет появились обе! А потом около часа обе девочки совсем не плакали. Акушерке даже пришлось вызвать команду реанимации – врачей и медсестер: они унесли Рут и Роуз, желая убедиться, что ничто не блокирует их дыхательные пути. Девочкам прочистили легкие, и как только их омыли, они превратились в совершенно обычные комочки счастья. Если не учитывать того, как быстро они открыли глаза и как тихо себя вели. Бет показалось жутковатым то, как пристально девочки смотрели. Они только-только родились, но уже сумели сфокусировать на ней свой взгляд. Они словно уже тогда понимали, как сильно она их любит. А когда подошел Ротко, они сфокусировали взгляд и на нем. Бет готова была поклясться, что Рут и Роуз наблюдали за всем с самых первых дней, несмотря на то что во всех книгах о младенцах говорилось, что еще слишком рано и они не видят ничего, кроме расплывчатых теней.

С тех пор много чего случилось. Она вышла замуж за Ротко отчасти потому, что он твердо стоял на ногах и с ним было легко. Некоторые из ее подруг поняли, что такие качества, как «милый» и «хороший», должны высоко цениться в будущем муже, только когда им перевалило за двадцать – тридцать. Ротко не возражал против желания Бет сидеть дома с девочками. В финансовом плане в следующие пару лет им приходилось непросто, но именно Ротко подчеркивал, что, если бы она вышла на работу после их рождения, больше половины ее заработка все равно уходило бы на няню. И нельзя сказать, что перерыв в несколько лет больно ударил по ее карьере. К тому же они оба были бухгалтерами. Может, они и не купались в деньгах, ведь ни один из них еще не вступил в партнерство – тогда Бет еще считала, что Эмили и Билли действительно могут стать миллиардерами, – но зарплаты Ротко хватало на жизнь, пока девочки не пошли в детский сад. Правда, это значило, что его не было дома, когда происходили странные вещи.

Бет рассказала ему о парочке происшествий. Она вспомнила, что как-то раз несколько сотен скворцов из пролетавшей мимо стаи один за другим влетели в окно гостиной на первом этаже их дома. Бет съежилась, боясь, что стекло вот-вот разобьется, но когда все закончилось, она нашла лишь одного мертвого скворца со сломанной шеей: он лежал в куче перьев. Она рассказала мужу, что в другой раз, когда они пошли за продуктами, Рут – ей тогда было около

³¹ Помесь золотого ретривера с пуделем.

трех лет – засмеялась, когда в овощном отделе включился распыскиватель. Затем Роуз тоже засмеялась, после чего внезапно включилась система пожаротушения и залила водой весь магазин. Она рассказала ему, что каждый раз, когда она гуляет с девочками по Линкольн-парку, посадив их в громоздкую коляску для близнецов, все собаки в районе ложатся на спину в знак подчинения.

Ротко высмеивал ее, выслушивая эти истории с улыбкой, призванной показать, что он ей верит и считает это чудным и странным. Но на самом деле это говорило о том, что Бет не помещает найти друзей среди других родителей в декрете. Об остальных, более пугающих случаях она ему не рассказывала. Однажды днем, когда девочки должны были спать, Бет проверила видеоняню и увидела на мониторе, что обе кровати абсолютно пусты; рыдая, она бросилась в детскую и обнаружила, что дочки крепко спят: разгоряченные и вспотевшие, они тихонько подергивались, возможно, им снился один и тот же сон. Бет не рассказывала ему, как иногда зимой боялась, что холодный ветер проникнет под дверь и сквозь швы в окне унесет девочек прочь. Она не говорила ему о бездомной женщине возле Whole Foods³², которая начала тыкать пальцем в нее и близняшек и без умолку кричать. Бет не рассказала ему о том случае, когда повела девочек в Филдовский музей³³ и они задержались там дольше, чем она рассчитывала. Дома Рут и Роуз расплакались от голода и усталости, пока она пыталась состряпать для них на скорую руку кесадилью³⁴. Вдруг близняшки вскрикнули, и в тот же миг огонь на плите полыхнул и обжег ей руку.

Она не рассказывала ему, как иногда они клянчили вкусности или просили купить им что-то, а если она отказывала, они просили еще раз, и она физически ощущала, как что-то пронизывает ее – нечто вроде статического электричества. Иногда, если они проделывали это с другими людьми – не с ней, а, например, с Ротко, – те как будто меняли принятое ранее решение.

По ночам, когда девочки вот так входили в их спальню, Ротко никогда не просыпался. Он – да обычно и она тоже – спал очень крепко. Ротко храпел не слишком громко, если только не страдал простудой, и она уже давно привыкла к тому, что время от времени вопят сирены или мимо их дома проходит кучка пьяных хипстеров. Когда они только начали встречаться, то часто ходили в походы, и ей нравились шум ветра и дождь, стучащий в палатку холодной ночью. Но это, кажется, было целую вечность назад. Прожив столько времени в Чикаго, Бет привыкла к ритму его звуков. И все же, несмотря на то что девочки входили в их спальню очень тихо – можно сказать, абсолютно бесшумно, – она всегда просыпалась. Бет знала, что стоит открыть глаза – и она увидит, как они смотрят на нее и молча ждут.

И она действительно открыла глаза.

– Тете Эмили грустно, – сказала Роуз. Она говорила очень тихо, стараясь не разбудить отца.

– Она снова плачет, – прошептала Рут.

Бет села и посмотрела на телефон. Два ночи. Что случилось? В Сиэтле сейчас сколько, одиннадцать? Нет, полночь. Ни голосовых, ни текстовых сообщений от сестры не было. Она убрала телефон и оглянулась через плечо на Ротко: он крепко спал.

– Она одна в постели и плачет, – сказала Рут.

Роуз кивнула.

– Дяди Билли с ней нет. Она поэтому плачет?

– Мне кажется, вам приснился дурной сон, – сказала Бет. – Не будем будить папочку, ладно? Возвращайтесь в постель.

³² Американская сеть супермаркетов, специализирующаяся на продаже органических продуктов.

³³ Музей естественной истории, расположен в Чикаго, штат Иллинойс.

³⁴ Мексиканское блюдо, представляющее собой обжаренные конвертики из тортильи с сыром.

Девочки послушно кивнули. Они развернулись, вышли из комнаты и зашагали по коридору.

Бет не хотелось так думать, но правда есть правда: ее дочери ведут себя иногда жутковато, хотя в основном они просто умницы. Да, Рут и Роуз немного маловаты для своего возраста, но они с рождения были крошечными. Для близнецов это неудивительно, и их педиатр, доктор Сендек, успокоил по этому поводу. Впрочем, его седые моржовые усы и загадочный европейский акцент в целом создавали атмосферу умиротворения, и он всегда умел подбодрить Бет. Девочки были невысокими для своего возраста, но здоровыми и умными. Они играли в футбол, занимались испанским, а по вторникам брали уроки плавания. В хорошую погоду они надевали на Расти поводок и шли по улице впереди нее, направляясь в парк за углом, и даже собирали его кашки в голубые пакетики, которые Бет держала в пластиковом контейнере, прицепленном к поводку. Им нравилось ходить в школу, и у них было полно друзей. Казалось, что им каждые выходные приходится посещать дни рождения, детские праздники и другие мероприятия, обязательные для всех, у кого есть дети. Отчасти поэтому они перестали ходить в походы, и Ротко любил шутить, что они сойдут с ума от скуки, когда близнецы уедут в колледж и у него с Бет появится куча свободного времени.

Да, иногда девочки были привередливы в еде, но они никогда не жаловались на то, что им приходится жить в одной комнате. Дом был хороший, Бет нравился район, и она была рада, что они успели вовремя приобрести жилье. Особенно если учитывать, что недвижимость в Линкольн-парке была дороговата еще до того, как у них появились девочки, а сейчас цены совсем взлетели. Но, даже несмотря на то, что Бет вот уже два года работала полный рабочий день, они не могли позволить себе купить в этом районе дом побольше. И не смогут позволить еще несколько лет, пока она не вступит в партнерство. Впрочем, жили они вполне сносно. У них была роскошная «ауди», и им не приходилось отказывать себе, если они хотели заказать суши на дом или поехать в очередной ежегодный отпуск. Если не считать того, что им не хватало денег, чтобы переехать из квартиры с тремя спальнями в Линкольн-парке – они с Ротко использовали третью спальню в качестве кабинета, хоть там и стоял раздвижной диван для гостей, – в дом побольше, жили они достаточно неплохо. Бет повторяла это Эмили снова и снова, но ее сестра отказывалась принять чек. Когда все стало совсем дерьмово, перед тем как Билли лег на реабилитацию, Бет улетела в Сиэтл на выходные, оставив девочек с Ротко. Эмили позволила ей оплатить ужин и поход в спа, а потом согласилась уехать жить в Чикаго с ней, Ротко и близнецами на несколько месяцев, когда стало совсем худо. Она даже позволила Бет заплатить за реабилитацию. Но Эмили наотрез отказывалась от денег. Она не хотела брать у нее больше, чем уже взяла. Бет не обольщалась по поводу того, что они с Ротко могут хоть как-то помочь с долгами, в которые влезли Эмили и Билли, – эта ноша стала совсем неподъемной, – но она выписала сестре чек на пять тысяч долларов. Этого бы хватило, чтобы слегка улучшить положение.

– Это моя ошибка, – сказала Эмили. – Я ее совершила, и мне за нее расплачиваться.

И порвала чек.

Бет последовала за Роуз и Рут в детскую мимо комнаты, которую они с Ротко использовали в качестве кабинета. У девочек была двухъярусная кровать, и она смотрела, как они укладываются в постель. Очевидно, сегодня Рут спала снизу, а Роуз – сверху, но девочки часто менялись местами по какому-то им одним понятному расписанию, так что Бет оставалось только молча ждать, пока они улягутся, чтобы потом подоткнуть им одеяла. В углу стоял ночник. Она задумалась, не слишком ли они выросли, чтобы спать с ним, но ее это не сильно беспокоило. Бет видела ночники, которые светили, как уличные прожекторы, этот же был в форме бронтозавра и издавал мягкое, теплое свечение, как кнопка включения на компьютере. Его хватало, чтобы разрезать тьму и смягчить тени, но из-за приглушенного света нельзя было четко разглядеть девочек. Впрочем, вряд ли бы это чем-то помогло. Даже при ярком освеще-

нии им с Ротко иногда было сложно различить их, да еще дочки специально любили их разыгрывать. Бет нужно было всего лишь закрыть глаза: это никогда ее не подводило. Как бы девочки ни походили друг на друга – а они выглядели идентично, как и все близнецы, начиная с родинки за левым ухом и заканчивая небольшой шербинкой между передними зубами, – пахли они по-разному. Аромат Роуз доказывал, что ее не зря так называли. Ее запах оставался сладким и свежим вне зависимости от того, как давно она принимала ванну. Не то чтобы Рут пахла кислым, но в ее аромате чувствовалось больше земляных ноток. Бет никогда и никому не рассказывала об этом: ни Ротко, который частенько путал девочек, ни самим девочкам, которых завораживала эта материнская магия, эта способность Бет различать их.

Она поставила ступню на нижнюю кровать и подтянулась за перекладину, чтобы дотянуться до верхней.

– Спокойной ночи, Рут.

– Я Роуз.

Бет наклонилась и поцеловала ее.

– Хорошая попытка, мышонок, но маму не проведешь.

Рут захихикала. Бет спустилась и наклонилась поцеловать Роуз. Та потянулась к ней и обняла мать за шею, притягивая ее к себе и прижимаясь к ней всем своим маленьким хрупким тельцем.

– Тетя Эмили снова будет жить с нами?

– Вряд ли, детка. В прошлый раз она приезжала всего на несколько месяцев, потому что дядя Билли был болен, – сказала она. И тоже обняла дочь.

Болен. Был ли это действительно честный ответ? Что она скажет девочкам, когда они подрастут? Что дядя Билли пьяница и наркоман и она привезла тетю Эмили сюда, потому что испугалась? Испугалась, что дядя Билли в конечном счете спустит свою жизнь в унитаз и утащит за собой ее сестру?

– Позвони тете Эмили, – сказала Роуз. – Ей очень грустно. У нее все щеки мокрые.

Бет попыталась улыбнуться.

– Наверное, просто идет дождь. В конце концов, это же Сиэтл.

– Мамочка?

Роуз отпустила мать: она выпрямилась и теперь видела обеих девочек, лежавших под теплыми одеялами. Бет заметила Расти, который спал, свернувшись клубочком в углу. Как так получается, что собака и муж крепко спят всю ночь, а она просыпается в тот же миг, когда дочерям приснится дурной сон?

– Что, милая? – спросила она Рут.

– Мы все еще собираемся поехать на Рождество к тете Эмили?

– О, до этого еще далеко, – ответила она. – Сейчас лишь первая неделя сентября. Мы поедем только через несколько месяцев: я еще даже не купила билеты на самолет. В Сиэтле будет весело, вот увидите. Вам понравится. Мы будем жить в отеле, заказывать завтрак в номер и есть в постели, пока вы смотрите мультики. Я поговорю с папочкой, и, может быть, нам удастся забронировать номер с видом на океан. И знаете, мамочка с папочкой тоже будут счастливы, потому что в Сиэтле в каждом доме по пять кофеен, а лучше всего то, что там есть знаменитый рыбный рынок, где рыбаки кидают друг другу рыбу. И большую тоже, – она ткнула Рут в живот. – Знаете, как лучше всего ловить рыбу?

Рут пожала плечами.

– Когда кто-то кидаст ее тебе, – сказала Бет.

Девочки захихикали, но они уже начали тереть глаза. Она слышала, как их дыхание замедляется. Бет снова подоткнула одеяло сначала Рут, затем Роуз.

– Мы весело проведем время с тетей Эмили, – сказала она.

– Нет, – сказала Рут и зевнула. – Там слишком много снега.

– Вообще-то, в Сиэтле не бывает снега. Здесь, у нас, снега выпадает больше.

– Мы поедem не в Сиэтл. И мы не хотим ехать, – сказала Роуз. Ее голос стал тягучим, как сахарный сироп, и казался сонным. – Пусть лучше она приедет сюда. Ты ей скажешь об этом, когда она приедет в гости в следующем месяце?

– Не думаю, что... – Бет вздохнула. Усталость ее пьянила. Ей казалось, что она видит сон наяву. Она порой чувствовала себя так во время споров с близнецами: если они чего-то хотели, то из-за их просьб Бет чувствовала усталость. – Она не приедет в следующем месяце. Вряд ли мы увидимся с тетей Эмили до Рождества. Поговорим об этом утром, ладно? Уже поздно, а завтра учебный день. Засыпайте.

Пока Бет говорила, девочки успели закутаться получше и начали засыпать. И она надеялась, что там, в королевстве снов, они увидят что-то более приятное, чем плачущую Эмили.

Утром они об этом и не вспомнили. Осталась лишь пугающая тень от их кошмаров, да и она растворилась с приходом дня.

Глава 6. Добро пожаловать в уиски ран

Билли попытался отключить будильник и успел трижды нажать на экран мобильного, прежде чем понял, что звонит не будильник, а телефон в номере отеля. Во рту словно кошки нассали, и он вспомнил, что перед сном не почистил зубы. Вернувшись с бейсбола, Билли сразу же отключился. Сидеть в одиночестве в корпоративной ложе оказалось странно и скучно. Он смотрел игру один-одинешенек и, придя в отель, почувствовал себя выжатым как лимон. Он был уставшим, но не пьяным. Нет, он не напивался.

Билли перевернулся на другой бок и снял трубку телефона, стоявшего на ночном столике.

– Это Венди, ассистентка Шона. Шон будет ждать вас на улице в своей машине через пятнадцать минут, мистер Стаффорд. Вы успеете подготовиться.

Именно так она и сказала: «Вы успеете подготовиться». Это было утверждение – не вопрос.

Билли протер глаза тыльной стороной ладони. Он выпил не так много, чтобы страдать от похмелья: всего три джин-тоника. Ну, может, четыре. Он хотел выпить еще пива, но живо представил себе, как кто-то доносит Шону, что в мусоре обнаружилось пивные бутылки. Билли предпочел наливать себе выпивку из бара, который находился в задней части роскошной ложи, добавляя тоник из фонтанчика. Каждый раз он мыл, высушивал и брал новый бокал. Билли выпил три коктейля за три часа: о похмелье и речи быть не могло. И все же он чувствовал себя неважно. Видимо, из-за смены часовых поясов.

– Ага. Хорошо. Я успею, – сказал он. – Нужно собрать вещи, так что мне понадобится...

– Собирать вещи не нужно, мистер Стаффорд. Номер в вашем распоряжении на все время пребывания в Балтиморе. Я знаю, вы не ожидали, что поездка может затянуться, поэтому я взяла на себя смелость организовать для вас свежую одежду, включая носки и нижнее белье, – все это доставят в ваш номер сегодня, пока вы будете отсутствовать. Вещи будут ждать вас, когда вы вернетесь из Уиски Ран. Если необходимо воспользоваться услугами прачечной, оставьте одежду на кровати – ее постирают и отутюжат.

Билли отвел телефон от уха и уставился на него.

– Алло? Мистер Стаффорд?

– Прошу прощения. Да. Хорошо. Я спущусь через пятнадцать минут.

– Завтрак подадут в самолете, – добавила Венди. – А в лобби вас встретит человек, чтобы сопроводить в автомобиль мистера Игла. Это молодая девушка по имени Спенсер. Она закажет для вас кофе с двумя ложками сахара, как вы любите.

И голос на той стороне провода умолк. Ни здравствуйте, ни до свидания. Просто тишина.

Билли повесил трубку и скинул с себя одеяло. Он почистил зубы, чтобы избавиться от запаха кошачьего туалета во рту, лениво прополоскал рот и залез в душ. Он включил воду погорячее – так, что едва можно было терпеть, – и просто встал под струей. Затем наклонился вперед, уперся локтями в кафель и, прикрыв глаза, помочился в слив.

Ровно через пятнадцать минут Билли вышел из лифта. Чувствовал он себя отлично. На нем была привычная одежда: джинсы и футболка. В кармане остались пустой кошелек и мобильник, и плевать, что он посеял жетон в честь года трезвости. Зато на нем были его старые ковбойские говнодавы, которые, как Билли часто шутил, он любил почти так же сильно, как свою жену, а это значило, что все не так уж плохо. Сапогам нужны были новые подметки, но они приятно стучали о пол лобби и отлично на нем сидели.

Он увидел, что девушка, ассистентка ассистентки Шона, – как там ее зовут? – поспешно засемила по лобби по направлению к нему. Господи. Вот убожество. Что за подхалимаж. Неужели так ведут себя все работнички Шона? Чего они так боятся? На что они надеются? Билли протянул руку, чтобы взять кофе из рук женщины, но даже не потрудился поприветство-

вать ее и ограничился кивком. Он больше ни разу в жизни с ней не увидится, и ему не нужно было, чтобы она провожала его до машины Шона: он бы все равно ничего не перепутал. Ему нужен был синий «бентли» настолько темного оттенка, что было легко принять его за черный. Перед ним и позади него находилось по джипу – без сомнения, это наряд охраны Шона. Девушка поспешно обогнала Билли и открыла перед ним заднюю дверь «бентли». Он скользнул внутрь. Шон говорил по телефону и жестом попросил его подождать.

Авто тронулось в ту же секунду, как закрылась дверь, заскользив по дороге так гладко и бесшумно, словно все это происходило во сне. А потом они наехали на яму в дороге, и это вернуло ощущение реальности. Шон пару раз равнодушно поддакнул, произнес «конечно-конечно», а затем попросил собеседника на том конце провода перезвонить ему. Он повесил трубку и ухмыльнулся Билли:

– Готов?

По правде говоря, Билли уже и не помнил, когда в последний раз был в таком предвкушении. Именно поэтому он позволил себе выпить прошлым вечером. Ему необходимо было расслабиться, иначе он бы ни за что не уснул. Неужели Шон правда это сделал? Неужели Шон наконец понял, как запустить Нелли? Билли полагал, что такое вполне возможно, но он бы ни за что не поверил, если бы Шон заявил, что сделал все сам. Шон никогда не был настолько хорошим программистом. Спору нет, он был хорош, Билли был готов признать это. Но если речь шла о том, чтобы создать язык программирования и разобраться в том, как воплотить в жизнь идею Eagle Logic, без Билли ему было не обойтись. И без Такаты.

Нет, все-таки Билли был лучше. Он честно мог в этом признаться. Таката был... Нет. Только благодаря Билли, отказавшись от Нелли, они с Шоном сумели запустить Eagle Logic. Если бы Билли ушел тогда, оставив Шона одного в самом начале пути, Eagle Logic бы не существовало. В конце концов Шон мог устроиться в Google или еще куда-нибудь, и его жизнь сложилась бы вполне успешно: он пробился бы в управление и разбогател к пенсии. Шон не был бы так богат, как сейчас, но он мог бы получать те же деньги, как и любой человек, у которого нет собственных идей и которому приходится работать на дядю. Шону хватило бы на это ума и харизмы, но он не был способен на большее. Не было бы ни Eagle Logic, ни Eagle Technology, ни официальной биографии, ставшей бестселлером и занимающей полки в книжных магазинах в аэропортах. Что там Нелли – Шон самостоятельно не додумался бы даже до Eagle Logic.

Ему и не нужно было: Билли сделал всю грязную работу и только потом ушел вместе с Эмили, просто подарив Шону то, что стало фундаментом будущей империи. Нет, не так. Билли не дарил Шону Eagle Logic. Шон забрал ее, а Билли остались жалкие крохи. И Эмили.

Поэтому, если бы Шон сказал Билли, что это он запустил Нелли и что он сделал все сам, Билли расхохотался бы ему в лицо и вернулся в Сиэтл. Шон ни за что бы не справился сам, но, в сущности, ему и не нужно было этого делать. В его распоряжении была целая компания: тысячи инженеров и программистов. Насколько Билли было известно, Шон собрал целую команду, которая годами надрывала задницы, тайно работая над Нелли. Eagle Technology была известна своей маниакальной тягой к секретности – тягой Шона к секретности, – так что Шон вполне мог последние десять лет вести тайный проект, центром которого являлась Нелли. Люди, работавшие над ней, возможно, даже не знали, что они делают. Шон мог обставить все так, чтобы одна группа работала над одним участком Нелли, а другая – над другим и никто из них не видел бы, как кусочки пазла складываются воедино.

Поэтому, когда Шон спросил его, готов ли он, Билли не знал, что и ответить. Он был в предвкушении. Если Шону действительно это удалось...

Но он хорошо знал Шона. Он знал, что, несмотря на все эти улыбки; кофе, ожидающий Билли в лобби; личные самолеты; корпоративную ложу, где можно посмотреть бейсбол, под всем этим скрывается все тот же Шон – лицемерный, неадекватный кусок дерьма, храня-

щий неизвестно какие тайны. За улыбкой всегда кроется что-то еще. Всегда есть что-то, что надежно зарыто.

Билли не стоит сразу раскрывать все карты. Нет, не нужно демонстрировать Шону свое нетерпение.

– Разумеется, – ответил Билли и замолчал. Всю дорогу до аэропорта они с Шоном проехали в полной тишине.

Самолет оказался до абсурда нелепым: пародия на богатство и статус нового поколения IT-баронов. Неужто Шон не понимает, как глупо все это выглядит? Внутри имелись посадочные места на двенадцать человек плюс, по словам Шона, спальня в задней части самолета. «Она не только для сна», – сказал Шон, подмигнув. Вот задница. Кресла были обшиты кожей, выкрашены в цвет полуночного неба, а пол покрывал мягкий бархатный ковер цвета бычьей крови. Остальные поверхности были выполнены из стекла и Eagle Titanium: обогащенный золотом металл почти мерцал в свете ламп. У обеих стюардесс были настолько высокие груди и белые улыбки, что Билли на мгновение подумал, что Eagle Technology начала специализироваться на производстве андроидов. Разве могут обычные женщины выглядеть так идеально?

– И это твой самый нелюбимый самолет? – спросил Билли.

– Это первый самолет, который я купил. Перекупил его у одного шейха. Отличная сделка. Мне, конечно, пришлось обновить внутреннюю отделку, да и эти две красотки не шли в комплекте, но в наши дни за деньги можно приобрести все что угодно, – сказал он, указывая на стюардесс, а затем поднял руку в защитном жесте. – Знаю, знаю. Сексизм и все такое, но признай: в определенном смысле это правда, верно?

Улыбки женщин не потусклили ни на ватт, несмотря на подобные высказывания в их адрес. До Билли дошло, что они, должно быть, уже слышали эту шутку. Если это вообще была шутка.

– Когда закончится ремонт остальных самолетов, этот по сравнению с ними будет похож на кучку собачьего дерьма. Впрочем, не знаю, что я буду с ним делать. Вряд ли я выручу хорошую сумму, если продам его. Наверное, где-то около двенадцати миллионов. Не стоит и заморачиваться. Думаю, имеет смысл оставить его в качестве запасного варианта.

Шон говорил все это, усаживаясь в мягкое кресло и пристегивая ремень, а потом жестом подозвал одну из стюардесс и попросил подать апельсиновый сок. Четверо его охранников тоже были в самолете и тихонько сидели позади, не привлекая к себе внимания.

Билли не сдержал улыбки. Было очевидно, что все это шоу призвано вывести его из себя, показать ему, что Шон Игл – человек, с которым нужно считаться. О, может, просто взять и оставить его? Что такое двенадцать миллионов долларов? Не стоит даже заморачиваться с продажей, если в итоге я получу всего двенадцать миллионов. И глянь, мне каждый раз приходится возить с собой этих качков, а еще я могу купить себе сколько угодно сисек и жоп. Как там, кстати, поживает твоя жена? Ну, та, с которой я спал, пока ты не отбил ее у меня. Как там ее звали? Смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня!

Билли резко опустил голову, чтобы спрятать улыбку, и выглянул в иллюминатор. Дело было не в том, что Шон пытается выделываться. Не совсем, хотя отчасти и в этом тоже. Но нет. Билли знал Шона. Люди с годами не меняются, и Билли прекрасно видел: Шон и сейчас все тот же испуганный маленький сирота.

Даже если бы Билли не улыбался, он бы все равно сделал это от одной мысли о боязни Шона. Он боялся, потому что знал, что у него ничего не получилось и он не смог выяснить, как работает Нелли. Возможно, он был близок к этому, подумал Билли. Возможно, его программисты подобрались вплотную и на горизонте вновь забрезжила манящая, но почти потерянная надежда запустить Нелли. Возможно, Шон даже понял, насколько далека была Eagle Logic от той цели, которую они ставили себе, когда только разбили лагерь под боком у грузной громады руин особняка Игл. Но без Билли Шон не смог бы пройти весь этот путь. Для него Нелли все еще была лишь миражом. Как бы сильно ни старались инженеры, работав-

шие над Eagle Logic, Нелли все еще оставалась вне досягаемости для Шона – так было всегда и так будет всегда. И он боялся, потому что знал, что Билли ему нужен.

А это, в свою очередь, означало, что вся власть находится в руках Билли.

Шона всегда пугала мысль о том, что Билли может иметь власть над ним.

И вот они отрываются от взлетной полосы в Балтиморе и направляются на север, в Кортаку, а затем еще дальше на север, туда, где он оставил двадцать три месяца своей жизни, туда, откуда он ушел ни с чем.

«Кроме Эмили», – виновато подумал он.

Они направлялись в особняк Игл, находящийся в тридцати минутах езды от Уиски Ран, – туда, где его ждала Нелли. «Нет, не совсем Нелли», – подумал Билли. Шону ни за что не удалось бы взломать ее, иначе Билли сейчас не сидел бы в этом самолете, который Шон использовал, чтобы компенсировать размеры члена. И Шон боялся, он был в ужасе!

Это было нечто. После всего их совместного прошлого; после хижины по соседству с полуразрушенным особняком; после всего, что случилось с Такатой, а затем и с Эмили; после всех секретов, что они хранили; после судов; после всего этого они снова здесь – направляются туда, где все началось. И теперь Билли – единственный, кто может решить проблему, а Шон пытается понять, как взять все под свой контроль. «Как говорится, – подумал Билли, – все новое – это хорошо забытое старое».

Стюардессы подали завтрак с апельсиновым соком. Свежий омлет, который они приготовили на бортовой кухне в передней части самолета, лепешки из местной пекарни, свежие фрукты и такой густой йогурт, что Билли даже не понял, что перед ним, и задал этот вопрос стюардессам. Все было подано на хрупких фарфоровых тарелках с тонкими каемками, рядом с которыми лежали тяжелые столовые приборы. Можно было подумать, что Билли завтракает не в двенадцати тысячах метров над землей, а в роскошном отеле или в особняке Игл во времена его расцвета.

Полет был недолгий, едва ли больше часа. Билли успел прочесть газету на планшете от Eagle Technology, который ему предоставила одна из стюардесс, а Шон попеременно то звонил по телефону, то яростно печатал ответы на электронные письма.

– Извини, – сказал он. – Если мы хотим освободить остаток дня, нужно разделаться с этим дерьмом.

В какой-то момент вошел второй пилот и сказал, что они скоро будут пролетать над Кортакой.

– Они знают, что нужно мне об этом напомнить, – пояснил Шон. – Люблю бросить взгляд на город.

Билли смотреть было не на что. Деревья, город и озеро. А что это наверху, на холме? Кампус? Может, ему удастся разглядеть маленький футбольный стадион, а может, и нет. Они слишком высоко, чтобы различить детали. Билли хотелось верить, что это действительно Кортака и они пролетают над университетом, но, в сущности, они могли находиться где угодно.

– Было бы куда разумнее затеять стройку недалеко от Кортаки, – сказал Билли.

– У меня были такие мысли, но ты сам все поймешь, – отозвался Шон. – После начала работы над проектом я сам не мог в это поверить. Когда мы закладывали фундамент, я каждый день говорил себе, что это нелепо, но есть что-то в Уиски Ран и особняке Игл, что не выпускает меня из своих когтей. Впрочем, все это время, даже считая это безумием, я знал, что поступаю правильно. Старый дом будто взывал ко мне. Я не мог поступить иначе. Впрочем, это уже не старый дом. С тех пор как мы жили там, все изменилось. Сам увидишь. Есть вещи, от которых нельзя избавиться.

Билли психанул, услышав эти слова. «Сам увидишь». Не переживай, Билли, Шону виднее. Но после секундного размышления он задумался, что же его волновало на самом деле:

снисходительный тон Шона или же осознание того, что он возвращается в особняк Игл. Возможно, от старых кошмаров нельзя избавиться.

Самолет накренился и пошел на снижение. На самолете Шона они за каких-то пару минут преодолели тридцать миль, отделявшие Кортаку от Уиски Ран.

Где-то далеко – настолько, что, возможно, это был обман зрения, – Билли увидел мелькнувшую блестящей лентой реку Святого Лаврентия, но в основном местность была покрыта лесами. Пока самолет плавно снижался, постепенно сбрасывая скорость с восьмисот до шестисот, четырехсот, а затем трехсот километров в час, Билли глядел на фермы с обнажившими землю пашнями и змееподобную резко очерченную границу лесов, которую прорезали линии электропередачи, возвышающиеся над горизонтом. Но смотреть особо было не на что. Широкая четырехполосная автострада превращалась в тонкие извилистые двухполосные дороги: на протяжении долгих миль только они указывали, что в округе есть люди.

– С воздуха Уиски Ран не увидишь. Он стоит вплотную к лесу, поэтому, пока не приземлимся, видно будет только деревья. А затем, думаю, тебе не нужно объяснять, что делать: придется проехать еще пятнадцать миль от города до особняка, – сказал Шон. – Хочешь, попрошу сделать кружок, чтобы ты смог оценить обстановку с высоты? Уиски Ран и особняк Игл с воздуха выглядят вполне эффектно.

Билли был не против. Ему хотелось, чтобы Шон попросил набрать высоту, взмыть в воздух и описать широкий круг: так он сможет разглядеть дорогу, которая, как ему было известно, ведет из города в имение Шона. Так он увидит, как выглядит реконструированная версия особняка Игл с высоты нескольких сотен метров над землей. Он с трудом сопротивлялся порыву, потому что это было не просто желание осмотреть местность с высоты. Нет, стремление остаться в воздухе было продиктовано чем-то иным, чем-то более масштабным.

На самом деле Билли хотелось упасть на колени и молить Шона отдать приказ развернуться, улететь обратно в Балтимор: там он сможет сесть на другой самолет, отправиться прямиком в Сиэтл, к Эмили, и вернуться к своей дерьмовой работе уборщиком в фитнес-клубе. Он был готов пойти на это. Он действительно мог вернуться к ночным сменам, протиранию велотренажеров и беговых дорожек, отмыванию матов водой с дезинфицирующим средством, пахнущим сосной, и чистке зеркал полотенцем, которое скрипит при соприкосновении со стеклом. Билли бы не стал жаловаться на то, что, несмотря на смертельную усталость, ему приходится торопиться домой: он должен был успеть вернуть Эмили машину, чтобы она поехала на работу. Они бы наконец взяли себя в руки, объявили о банкротстве, отказались от кредитов и начали все сначала. О боже, он готов был пойти на все это, только бы не приземляться, не спускаться с трапа, не садиться в машину и не ехать туда, где он провел столько времени, живя в хижине и работая над идеей, которую у него в конечном счете украли.

Билли внезапно затрясся, безумно боясь того, что произойдет, когда он через парадную дверь войдет в новый перестроенный особняк Игл. Он не знал, что случится, но понимал, что этого стоит бояться. Земля раскалится и разверзнется под ногами, мертвые восстанут из своих могил, снедаемые жаждой мести. Он увидит сточные трубы, по которым текут кровь и желчь, и услышит грохот по ночам. А из-под кровати будут выглядывать жуткие цепкие когти и зубы. О боже! Билли почувствовал, как по спине потек пот. Все это там, внизу, ждет его: неопишуемые ужасы томятся, томятся и томятся в ожидании.

– Они могут сделать кружок, если я им велю. Это одно из преимуществ собственного самолета, – сказал Шон.

Испуг, от которого он чуть не наложил в штаны, растаял так же быстро, как и появился, и Билли покачал головой.

– Нет, – сказал он. Ему не нужны подачки Шона. – Не надо.

Через несколько минут они приземлились.

– Аэропорт все еще в работе, – произнес Шон. – Здания будут готовы к следующему лету. Мы могли бы воспользоваться аэропортом Кортаки, но ехать в машине несколько лишних километров – дополнительный геморрой. Взлетно-посадочная полоса достаточно длинная, чтобы посадить практически любой самолет, и мы пользовались ей для перевозки тех материалов для строительства, которые невозможно было доставить в срок на фурах. Как только закончим с домом и участком, займемся обустройством вплотную. Аэропорт должен соответствовать запросам тех, кто будет сюда прилетать. В главном здании разместим экспресс-кафе и комнату отдыха класса люкс, а также помещение для пилотов и экипажа.

Пилот отогнал самолет в конец взлетно-посадочной полосы, в сторону одной-единственной цистерны с топливом. Там имелся также небольшой ангар, вмещавший, по словам Шона, пока только один самолет: это помещение позже заменят более вместительным и прочным ангаром, который без проблем защитит от метелей и будет рассчитан на десять самолетов.

– Я хочу использовать основные помещения особняка Игл для выездных совещаний и конференций с входом только по приглашениям. Буду проводить настоящие мозговые штурмы. Ну, знаешь, что-то вроде свободного пространства для разработки новых идей на сто миллионов долларов. Что-то похожее на конференцию TED³⁵, но поменьше и для самых умных. Шестьдесят комнат для гостей плюс помещения для обслуживающего персонала. Запереть их там на выходные и заставить шевелить нейронами. Участники отобраны мной лично: плевать, сколько у тебя активов, если сможешь вынести мне мозг – ты в деле.

Билли оставалось только кивать. Он не мог не заметить, что вокруг сновала масса рабочих, но самой работы было не так уж много. Он видел парня на тракторе-газонокосилке, который закончил подстригать лужайку, как только самолет остановился. У цистерны стоял мужчина, а рядом с автоматическим противообледенительным устройством, в топливозаправщике, стояли еще двое парней. Был пока только сентябрь. Даже так далеко на севере противообледенительное устройство не понадобится еще как минимум месяц. На парковке рядом с огромным белым внедорожником стояла женщина, готовая открыть дверь. За ним с включенным двигателем находился еще один джип, но поменьше и черный. На самой парковке имелись пара пикапов, хетчбэк, а в дальнем конце была огромная снегоуборочная машина. Шон заметил, что он смотрит на нее.

– Зимы тут паскудные.

Билли и сам это помнил. Как же тяжело было пережить те две зимы после колледжа! Особняк заносило так сильно, что казалось, будто снег сыплется вниз из разбитых окон второго этажа. А когда наступали заморозки, в хижине стоял обжигающий холод. Мороз проникал сквозь щели и постоянно сопровождал тех, кто пытался в это время работать за компьютером. Он помнил, как, особенно во вторую зиму, завидовал Шону, что тот делит постель с Эмили, а не спит, как он, в одиночестве.

– Ты всегда говорил, что погода еще ничего. Что в то время, когда ты был ребенком, было хуже.

Шон глянул на него.

– Когда я был маленький, однажды зимой с самого утра начался такой буран, что нас не выпускали из школы и не разрешали идти домой. Мы сидели там три дня. Лишь через три дня метель немного утихла, и родители смогли забрать нас. Когда кончился снегопад, так и не пришли только за одной девочкой, Тиффани Берген. Отец попытался забрать ее еще в первый день, в конце учебного дня. Они жили всего в четырехстах метрах от школы, и он пошел за ней пешком, но потерялся в снегах. Его тело нашли только весной, – он тряхнул головой. – Боже,

³⁵ Американский частный некоммерческий фонд, ежегодно проводящий конференции, направленные на распространение уникальных идей в различных сферах деятельности.

жить в Сиракьюсе было куда как проще. Наверное, ты прав. Было бы куда разумнее затеять строительство рядом с Кортакой или в Балтиморе. Где угодно, только не здесь.

Шон представил его женщине, стоявшей у джипа, но Билли не запомнил ее имя. Он удивился, увидев, что все четверо телохранителей уселись в черный джип, а Шон занял место водителя в белом внедорожнике.

– Ты водишь? – спросил Билли, обходя машину, чтобы сесть на переднее пассажирское сиденье. Шон ухмыльнулся.

– О, я не настолько избалован. Мне все еще приходится самому подтирать задницу, когда посру.

Но сказав это, он опустил стекло, чтобы взять фрукты из белой фарфоровой чаши, которую держала в руках женщина. Билли обратил внимание, что Шону не пришлось подстраивать под себя сиденье и поправлять зеркало заднего вида. Он также заметил, что машина уже едет и температура внутри настроена на двадцать один градус – в самый раз для того, чтобы разрезать слегка липкий сентябрьский воздух. К тому же в держателях для чашек стояли бутылки с водой: на них обеих только-только выступил конденсат, а этикетки были влажными, оттого что их недавно вынули из кулера со льдом. При этом нигде поблизости не было видно ничего столь неподобающего, как кулер со льдом. Билли не пришлось долго думать. «Существует целая скрытая экосистема, – решил он, – созданная исключительно в угоду мистеру Иглу».

– Люблю садиться за руль, когда приезжаю сюда. Мне нечасто выпадает такая возможность, так что приятно порулить. Совет директоров не любит, когда я вожу самостоятельно. Скажем так, мне выписали пару штрафов за превышение скорости, – сказал он, коротко усмехнувшись. – Ну да ладно. Смотри, мы заасфальтировали старую дорогу. Полагаю, можно было расчистить бульдозером новую улицу по прямой линии и сократить путь минут на десять, но, по крайней мере, пока все еще требуется тридцать минут, чтобы добраться отсюда до особняка Игл. Есть нечто трогательное в этой деревенской простоте. Надо сказать, я думал и о том, чтобы построить взлетно-посадочную полосу ближе к особняку, но хочу сделать это место по-настоящему уединенным, создать атмосферу близости к природе и интимности, которой невозможно добиться, если по соседству все время летают самолеты. Конечно, над Уиски Ран будет не такой уж плотный воздушный трафик, но таким образом удастся создать нечто вроде пограничной зоны, перехода из одного мира в другой, который поможет приноровиться к тому месту, которое я хочу обустроить. Нет, серьезно, разве часто удается реализовать все именно так, как нам хочется?

Билли выглянул в окно, глядя на узкую полосу одиноко стоящих городских домов, мимо которых они проезжали. «Пограничная зона». Вот мурак. «Разве часто удается реализовать все именно так, как нам хочется?» Он что, серьезно? Если тебя зовут Шон Игл и ты настолько богат, что стоимость твоих активов взлетает или падает на миллиарды долларов за раз в тот или иной день в зависимости от ситуации на рынке ценных бумаг, тебе удастся реализовать все именно так, как тебе хочется. Каждый. Гребаный. Раз.

Уиски Ран представлял собой ряд зданий, стоявших под уклоном. Это был все тот же знакомый ему городок, но, тем не менее, у него создалось впечатление, что он оказался в другой вселенной. Билли помнил побитые деревянные дома, пустые вывески, несколько уродливых кирпичных зданий 1960-х годов, но в основном все выглядело так, будто было построено до или сразу после Первой мировой войны, в то же время, что и особняк Игл. И все казалось таким же заброшенным. Но что он видел теперь?

– Боже! Как ты это сделал? Город и правда выглядит «как в старые-добрые времена» и все такое, но в то же время все здесь абсолютно новое. Как будто Уиски Ран построили сто лет назад и засолили в банке. Не уверен, что можно так выразиться, но город имеет первозданный вид.

– Ну, технически, почти все здесь действительно абсолютно новое. Мы отстаем по плану по строительству нескольких домов, а следующей весной нужно начать рыть котлован еще для парочки зданий. По сути, весь город находится у меня в собственности. Ну, или почти весь. Есть несколько саботажников, которые не хотят продавать свои дома. И один владелец бара наотрез отказывается вести бизнес, несмотря на то что я напрямую предложил ему построить новое здание без каких-либо обязательств: без ссуды, без платы за аренду. Это должно было быть просто новое помещение для бара. И есть еще пара старых чокнутых домовладельцев. Все это, включая аэропорт, числится в списке незавершенных работ. И все же ты помнишь, как здесь было раньше.

Билли заметил, что это прозвучало как утверждение, а не вопрос. Шон привык к тому, что все воспринимают его слова как истину в последней инстанции.

– Уиски Ран был настоящей помойкой. Три разваливающихся бара, и на этом, считай, все, да? И за последнее десятилетие мало что изменилось. Нам пришлось снести школу, потому что она была в ужасном состоянии. Я не преувеличиваю: правительство штата Нью-Йорк закрыло ее из-за несоответствия стандартам безопасности. Детей возили на автобусе в другой округ, – он помотал головой. – У меня нет теплых воспоминаний об этой школе, даже если не брать в расчет тот трехдневный бурн. Здание разваливалось, еще когда я был ребенком. Так что да, этот проект, разумеется, глотает деньги, как бездонная бочка, но оно того стоит. Нам удалось отреставрировать, может, каждое пятое из имеющихся зданий, но по большей части оказалось проще и дешевле все снести и застроить заново.

– Сколько здесь сейчас жителей?

– Около семисот. Плюс-минус столько же, сколько и тогда, когда мы здесь жили.

– И никто не жалуется?

Шон посмотрел на него так, как будто он спятил.

– Парочка недовольных всегда найдется, но ты серьезно? Все здесь обеспечены работой, плюс работать на меня куда лучше, чем заниматься тем, что они делали раньше. У них есть полное пособие при работе с частичной занятостью, льготное жилье – сплошные преимущества. И даже если ты на меня не работаешь, а просто живешь в Уиски Ран, твои дети будут учиться бесплатно в колледже по выбору. А если не хотят учиться в колледже, мы оплатим обучение профессии. Нам пришлось построить больницу, чтобы предоставить льготы работникам, но если кто-то заболел или кому-то нужен дантист, там могут лечиться все желающие абсолютно бесплатно. Постоянный штат состоит из двух медсестер и врача. Дантист и стоматолог-гигиенист работают дважды в неделю, офтальмолог – раз в неделю. Уиски Ран – рай на Земле. Зачем кому-то жаловаться? Они жили в аду, а я вознес их до небес.

«И что же, – подумал Билли, – из-за этого можно считать Шона богом?»

Пока они ехали, Шон указывал из окна на ряды магазинов и ресторанов и рассказывал Билли, что есть что. Со стороны аэропорта были заправочная станция, небольшой продуктовый магазин и пиццерия, которую Билли смутно помнил. Рядом с ней оказался явно новый тайский ресторан, строительный магазин, два паба, больница, пара бутиков, торгующих конфетами, одеждой и картинами. Были также кофейня и магазин товаров Eagle Technology: новейшие телефоны и планшеты, выставленные на витринах, выглядели нелепо на фоне винтажного здания. В дальнем конце города стояли небольшая гостиница – по словам Шона, он отправлял туда охрану и другой персонал, когда не хотел, чтобы они болтались в особняке Игл, – и большое современное здание, в котором располагалась межрайонная школа Уиски Ран, а также общественный и спортивный центры.

– Повар из тайского местечка раньше держал свой ресторан в Нью-Йорке, который мне очень нравился: его дети уехали в колледж, и ему приглянулась по душе мысль, что можно не волноваться о прибыли, так что я привез его сюда. У него есть дом, он получает зарплату и прочее, а я оплачиваю учебу его детей. У него их трое, и все учатся в частных колледжах. Нет, он,

конечно, делает шикарную пад си ю³⁶, но все же... Вот пиццерия «У Блинкера» выходит в ноль, а паб даже, можно сказать, приносит прибыль, если не включать в счет затраты на строительство. Да, это все равно что смывать деньги в унитаз. Но ты знаешь, плевать. Я хочу превратить Уиски Ран в некое подобие святыни. У меня должна быть возможность приезжать сюда и ни о чем не заботиться. Только представь, как печально было бы выходить из самолета и проезжать мимо трущоб и заброшенных зданий по пути в особняк Игл. Идея заключалась в том, чтобы сохранить прежний облик города, его архитектуру, но при этом сделать из него милейший курорт, который захотят посетить мои гости. Кто полетит сюда, если в городе даже нельзя выпить приличный кофе или купить новый телефон, если потерял свой. К тому же это первое, что видишь по пути к особняку Игл. Я хотел, чтобы город нес благую весть.

«Ну вот опять», – подумал Билли. Благая весть. Рай и ад. Шон был не просто IT-монстром. Он в самом деле верил, что буквально приравнивается к современному богу. Имея достаточно денег, можно купить целый город и превратить его во что захочешь. В данном случае Шон Игл хотел построить сказочную страну, демонстрирующую то, каким должен быть идеальный отпуск.

Дорога продолжала петлять, оставляя город позади и углубляясь в лес.

– Помнишь, в каком плачевном состоянии была улица, когда мы здесь жили? Так вот, за эти годы все стало намного-намного хуже. По ней едва можно было ездить. Считать ее подъездной дорогой было все равно, что называть шлюху неопытной девицей.

– Ага. Когда Эмили ходила в поход с Бет и Ротко, у них случился культурный шок, – отозвался Билли, хоть в это и трудно было поверить, учитывая нынешнее состояние дороги – новое насыщенно-темное асфальтовое покрытие, яркая жирная полоса желтой краски, – несмотря на то что она вела туда же, куда и все предыдущие годы. Вдоль дороги росли высокие хвойные деревья с роскошными зелеными кронами, но даже из движущейся машины Билли заметил на земле голые камни и валежник: подлесок не рос из-за того, что деревья заслоняли солнце. Местность оказалась не настолько холмистой, чтобы на это можно было обратить внимание, но за каждым новым подъемом в гору следовал чуть менее долгий спуск. В итоге к тому времени, как они проехали несколько миль и поднялись на очередной холм, дорога идеально изогнулась, и Билли, обернувшись, увидел, что в долине позади них раскинулся Уиски Ран. Он уже и забыл, какой безумно прекрасный и захватывающий вид открывался на этом пути. Дорога извивалась, словно американские горки. Билли столько раз ездил по ней, когда работал в хижине, но каждый раз удивлялся тому, что все кажется близким, хотя при этом находится в нескольких километрах езды. Если проложить дорогу напрямую, она, пожалуй, составит всего каких-то восемь километров вместо нынешних двадцати пяти, но плестись по ним придется черепашим шагом.

– Слушай, – сказал Шон, прерывая задумчивость Билли, – знаю, тебя это, наверное, уже бесит, но я правда хочу, чтобы ты взялся за эту работенку. Что, если мы действительно сможем запустить Нелли так, как это и было задумано? Черт. Это было бы великолепно, – Шон повернулся и посмотрел прямо на Билли. Потом он посерьезнел. – Ты помнишь? Были времена, когда мы были готовы на все, лишь бы запустить Нелли. Абсолютно на все.

И снова воспоминание о Такате.

Билли решительно смотрел вперед. Он не хотел смотреть Шону в глаза.

– Времена меняются, – отозвался он.

– Не так сильно, – парировал Шон. – Разумеется, много воды утекло, с тех пор как мы учили программирование на последнем курсе, переехали из Кортаки в Уиски Ран и закрылись в старой хижине. Но многое осталось прежним. В конечном счете мы пошли на компромисс и остановились на Eagle Logic лишь по одной причине: на тот момент это было единственное,

³⁶ Пад си ю (тай. pad see ew) – тайская жареная лапша.

что мы реально могли запустить. Но тебе не хуже меня известно, что Eagle Logic не более чем персональный помощник. Только подумай, какой бум на IT-рынке произвела бы Нелли вкупе с железом Eagle Technology! Это все то, что люди любят в Eagle Logic, но на несколько порядков лучше! Даже сама по себе она является прорывом. Но с Нелли... Это все равно что торговать счастьем! Девайсы производства Eagle Technology гарантируют, что вы больше никогда не почувствуете себя одиноким!

– Не помешало бы поподробнее узнать, в чем же заключается проблема с Нелли. Твои слова о том, что в машине завелся дух, на самом деле ни о чем мне не говорят.

Лицо Шона дернулось, по нему мгновенно пробежал вихрь эмоций – Билли не успел различить, каких именно, – а затем превратилось в подобие гримасы.

– В лаборатории она выполняет функции практически идеально. В Балтиморе программисты запускают ее, и она работает как часы, но здесь, в особняке... В ней чертовски полно багов. Именно поэтому ты здесь: нужно понять, почему версия Нелли, которую мы запускаем в особняке Игл, так глючит. В машине завелся дух – иначе и не скажешь. Мы не можем понять, из-за чего ее так колбасит.

– Например?

– Сам увидишь, когда доберемся. Просто подожди, – сказал Шон. – Просто доверься мне, ладно?

Билли набросился на него:

– Серьезно? Просто довериться тебе? Довериться? Да я готов тебе в глотку вцепиться. И тебе об этом известно, не так ли? Я бы нассал тебе в череп, если бы представилась такая возможность, гребаный ты кусок дерьма. Что ты на это скажешь? В последний раз, попросив меня довериться тебе, ты облапошил меня во всех возможных смыслах этого слова.

Только договорив, Билли понял, что орет на Шона, изо рта у него брызжет слюна и он рычит. Он думал, что Шон испугается или даже разозлится, но никак не ожидал, что тот расстроится. Это тут же остудило его пыл.

– Ты говоришь о деньгах, Билли. Но дело совсем в другом, и ты это знаешь. Раньше мы доверяли друг другу, так ведь? Доверяли друг другу так сильно, как только могли. Я тоже тебе верил. Разве ты не помнишь, как говорил мне, что я могу на тебя положиться? Что я могу доверить тебе Эмили? Некоторые раны заживают дольше остальных.

Билли вжался в кресло, его бросило в жар от стыда.

– Просто потерпи, пока мы не доедем, – добавил Шон.

Глава 7. Хищные птицы

Дорога была расположена таким образом, что сначала при поездке можно было увидеть только деревья и небо, а затем начинался неожиданный подъем в гору, и – бам! – перед путешественниками вырастает особняк Игл во всем своем великолепии. Когда Шон говорил Билли, что это та же самая дорога, по которой они ездили, живя в хижине, это было правдой лишь на 93 процента: последняя миля с гаком пролегла в несколько ином направлении. Отчасти за это он и платил Фискеру де Леону такие баснословные суммы. Именно Фискер предложил проложить часть дороги в лесу, чтобы, выехав из него, можно было увидеть целиком все поместье.

Когда Шон услышал, как Билли резко охнул, ошеломленный неожиданным видом, то понял, что Фискер свое дело знает. Шон придирался к каждой мелочи в особняке, особенно к тем помещениям, в которых планировал интегрировать Нелли. Он понимал, что своей излишней вовлеченностью сводит Фискера с ума. Когда Шон нанял этого жадного ублюдка, он не был известен на весь мир, но все изменилось к тому моменту, как завершилось строительство административного корпуса, Уиски Ран и особняка Игл. И как бы Шону ни было больно признавать это, Фискер оказался пусть и алчным человеком, но все же гением архитектурной мысли.

Сегодня вид особенно ошеломлял. В основном благодаря тому, что дорога шла в гору, выходя из леса. Невозможно было заранее увидеть, что ждет их впереди, но им повезло с освещением: полуденные лучи, как по заказу, прорезали нежную дымку облаков янтарным блеском. В довершение всего перед ними предстало раннее сентябрьское буйство красок, по праву превратившее деревья в настоящую туристическую достопримечательность. И пусть площадку вокруг особняка занимала строительная техника, которая стояла в беспорядке – создавалось такое впечатление, будто огромный богоподобный ребенок, капризничая, раскидал повсюду свои игрушки, – сам особняк Игл заслуживал того, чтобы Билли восторженно вздохнул.

В последний раз они были здесь вместе в тот день, когда Билли двенадцать лет назад уехал отсюда вместе с Эмили. Не стоило и говорить о том, что тогда все было иначе. Там были пятидесяти – шестидесятилетние растения и буйно растущая трава, которую никто не косил. Повсюду лишь деревья, кусты и бурьян, а также разрозненные разваливающиеся дворовые постройки. Учитывая, что хижина, в которой они жили, была лучшим из возможных вариантов, поместье находилось в полном упадке. Особняк Игл тогда стоял в руинах, и это еще очень мягко сказано. Вернувшись сюда после колледжа, Шон почему-то думал, что все осталось таким же, как и тогда, когда он уехал отсюда двенадцатилетним подростком. Неудивительно, что все было намного хуже: окна выбили, почти вся крыша рухнула, камень крошился, а дерево ссохлось. Дом был похож на фонарь Джека³⁷, который забыли на крыльце на три недели после Хэллоуина: нечто пугающее, мерзкое и разваливающееся. Особняк Игл прогнил насквозь.

Но это было тогда. Теперь все выглядело иначе. В этот раз здание заслуживало того, чтобы Билли восторженно вздохнул. Новый особняк Игл казался чем-то средним между традиционным охотничьим домиком в стиле Адирондак³⁸ и горной постройкой, которые в изобилии можно найти на западе. При всем при этом он напоминал птицу, которая вот-вот взлетит: из центральной части здания выходило два крыла, а углы и окна напоминали зубы и когти. Особняк состоял из трех этажей. Крутые свесы карнизов и фронтонов крыши, похожие на волшебные шляпы, служили для защиты от снежных заносов зимой. Фундамент украшала выложенная вручную кладка из бута. Основная часть здания была выполнена из дерева, добытого

³⁷ Один из основных атрибутов Хэллоуина – вырезанная в виде головы тыква со свечой внутри.

³⁸ Шале, сочетающие в себе каменные и деревянные материалы.

из спелого леса: бревна были такие толстенные, что обхватить их под силу было лишь двоим взрослым мужчинам.

Обособняк стоял на склоне холма и смотрел на реку; они подъехали к нему сбоку. Было видно внешнюю часть огромной столовой. Французские двери, распахнутые навстречу теплему осеннему воздуху, выходили на великолепную каменную террасу. Перед всем этим великолепием протянулся бесконечный бассейн олимпийских размеров с бутовой палубой, голубой кафель в котором блестел и без всякой воды. Согласно проекту по восстановлению предполагалось избавиться от большей части дворовых построек – старую хижину, в которой они жили, и так разобрали и отвезли в Университет Кортаки задолго до начала реставрации, но сгоревшую сторожку Шон сохранил практически в ее первоначальном виде. Там заменили крышу, дверь, окна, чтобы она совсем не развалилась, но в целом все оставили как было. Все остальные здания, однако, были новые: их выполнили в том же цвете и стиле, что и особняк Игл.

Со стороны дороги не было видно новых жилых помещений для постоянного и временного персонала: они оказались просторными и светлыми и не имели ничего общего с прежними приземистыми, тесными и грубыми постройками. Зато панорама особняка Игл раскрывалась во всей красе. Фискер постарался максимально сохранить его первоначальный облик, отталкиваясь от старых фото и стремясь, с одной стороны, воссоздать старое здание, а с другой – вдохнуть в него новую жизнь. Учитывая шестьдесят комнат для гостей, столовую и бар, спа, старое казино, превращенное в конференц-залы и кабинеты, обновленную кухню, удобства для постояльцев, помещения для персонала и другие различные дополнения, особняк стал в два раза больше, чем был изначально. Глядя на него, невозможно было представить, что когда-то он лежал в руинах. Новый особняк Игл вернул все на круги своя.

А еще над ним была надстройка.

Шон спустил джип с холма к реке, а затем дорога завернула обратно и привела их напрямик к особняку Игл, открывая ошеломительный вид на надстройку.

– Мне немного неловко, – сказал он Билли, – но мы называем это Гнездом. Понимаю, выглядит по-идиотски, но я открыт к предложениям, если у тебя есть варианты получше.

Не было нужды объяснять, что именно он имел в виду.

Надстройку расположили на крыше особняка Игл, но в то же время отдельно от нее. Это был приплюснутый пузырь из стального стекла, соединенный с основным зданием с помощью цилиндра, выходящего из центральной части особняка. Гнездо было одноэтажным, но потолки там оказались в два раза выше любой другой комнаты в особняке Игл. Оно парило в двух метрах над основным зданием; высота его составляла семь метров от пола до потолка, а диаметр – примерно пятую часть длины всего особняка.

– Кажется, что Гнездо висит в воздухе, но на самом деле его пересекает ось, соединенная с центральной башней, которая, в свою очередь, представляет собой основную несущую конструкцию особняка Игл. Это что-то вроде леденца на палочке. Лифт и главная лестница располагаются внутри центральной башни и ведут в особняк. На лифте можно подняться на самый верх, но, разумеется, для этого нужно иметь специальный доступ. Лестница – это немного другое, но доступ все-таки тоже нужен. Гнездо одновременно является частью особняка Игл и в то же время оно полностью от него изолировано. Если смотреть отсюда, в большой комнате справа располагаются открытая кухня, столовая и гостиная, а слева – спальня и то место, где ты будешь работать, то есть кабинет.

Шон исподтишка глянул на Билли, чтобы увидеть его реакцию, но не стоило бояться разоблачения. Билли, разинув рот, таращился на особняк Игл и Гнездо: он даже подался вперед, опершись руками о приборную доску. Шон изо всех сил старался не фыркнуть от смеха.

Один из архитекторов, который хотел получить работу, вручил ему чертежи, где просто-напросто добавил к особняку лишний этаж. Шон понимал, почему он решил пойти этим путем. В этом был смысл: классический ход и элегантное решение, практически незаметное

невооруженному глазу. Личная резиденция Шона органично вписалась бы в общий стиль постройки, но это было так глупо. Была только одна причина, по которой он позволил себе взяться за перестройку тысяч акров и решил возвести этот «колосс» у черта на куличках: Шон оставался гением стекла и металла, продавая гладкие блестящие «лопаты» с цифровым наполнением. Какой смысл делать свое логово тайным? При реставрации особняка он и так собирался улучшить его, отдав при этом дань прошлому. Разве этого мало, чтобы попасть в учебники по истории? Для себя Шону хотелось чего-то более современного. Именно Фискер вдохнул в здание новую жизнь, именно ему пришла в голову идея подчеркнуть прошлое, используя основную часть особняка, и отправиться в будущее, соорудив парящее гнездо исключительно для Шона Игла. Было бы в три раза дешевле просто снести все и начать строить заново, но Шону хотелось сохранить каркас. Какой смысл вообще строить здесь, если не отдавать дань прошлому?

Хотя временами ему хотелось сравнить это место с землей и уехать: несмотря на то что все перестроили и добавили много нового, это все еще был особняк Игл из его детства, и призраки прошлого не отпускали его.

Возникало чувство, что новый, реконструированный и расширенный, особняк наслаивался на старый. Это была свежая оболочка, покрывающая прогнившие внутренности; паразит, ползающий по инфицированному телу хозяина. Под определенным углом и в определенные моменты здание заставляло Шона трепетать от ужаса. Призрак старого особняка Игл копошился под поверхностью нового. Он все еще был там и даже, наверное, стал сильнее. Отремонтировав дом, Шон словно дал новую жизнь старому призраку.

Иногда ему в голову приходила мысль, что он вытащил прошлое на поверхность, вместо того чтобы зарыть его в землю. Зло – не было лучшего слова, чтобы описать его отца и тех людей, которыми, согласно рассказам, были его дед и прадед, – эхом отзывалось в этих стенах. Как сильно ни старайся, начать полностью с чистого листа невозможно. Прошлое всегда будет стоять на пути даже самых лучших намерений. Иногда Шону казалось, что особняк стоит на страже: мрачный, зловещий и угрюмый, он следит за холмом, долиной и рекой; следит за ним так же, как следил за его предками, стремясь убедиться, что прошлое никогда не оставит его в покое.

Но, наверное, это всего лишь плод его воображения, ведь Билли видел совсем другое.

– Черт поberi, – еле слышно пробормотал Билли.

Шон изо всех сил старался сдерживать улыбку. Они все еще ехали по дороге, выставляющей панораму особняка Игл в выгодном свете. С южной стороны газона стоял строительный кран, с которого свисал привязанный канатом камень: его предполагалось добавить к груде камней того же размера – каждый из них был больше того джипа, в котором они ехали. Пять самосвалов исчезали на холме по другую сторону особняка, направляясь в лес. На просторной лужайке сгрудилось шесть фургонов, составлявших подобие деревушки и предназначенных для строителей. Прораб заверил Шона, что к концу октября, когда большая часть работ будет закончена, от них избавятся. Неподалеку от бухты стоял сарай с металлическими опорами, который временно использовался в качестве склада, но на следующей неделе его должны были снести. В нем больше не нуждались. Строительство входило в стадию отделочных работ. Весной, когда сойдет снег, будет завершён ландшафтный дизайн, а к следующему лету Шон сможет привезти сюда гостей.

– Ого, – проговорил Билли. Шон глянул на него, но оказалось, что его спутник смотрит вовсе не на поместье, а куда-то в сторону – туда, где густо растут деревья. – Ты это видел?

Шон почувствовал раздражение. Билли должен был смотреть на особняк Игл.

– Нет. Что там?

– Кажется, я заметил чернохвостого оленя. Он с огромными рогами и полностью черный. Этот зверь будто сошел со страниц сказки или книги со страшилками, – Билли потрянул голо-

вой. – Он появился всего на долю секунды. Честное слово, я даже не уверен, что действительно видел его. Возможно, показалось.

– Скорее всего, так и было, – отозвался Шон. – Шум от стройки и толпа людей, должно быть, распугали почти всех зверей в округе.

– Ага, – сказал Билли, снова поворачиваясь к зданию, стоявшему перед ним. – Вот это размеры, – произнес он.

– Особняк? Шестьдесят комнат для гостей плюс помещения для проведения конференций и размещения персонала. А еще кухня, столовая, спа, спортзал. Ну и прочее дерьмо.

– Да нет, – сказал Билли. – Я про Гнездо.

– А. Ну да, логично. Это приватная зона. Много открытых пространств и света.

– По сравнению с особняком, это небо и земля. Возникает ощущение, что оно вот-вот взлетит и отправится на Марс.

– Это хорошо или плохо? – спросил Шон. Он отчасти сердился из-за того, что приходится задавать этот вопрос. Неужели нельзя просто взять и сказать, что оно великолепно?!

– Ну, не мне отвечать на этот вопрос. Оно выглядит современно, это точно. И отличается от всего остального. Особняк прекрасен, по-старинному роскошен, и мне понравилось, что ты решил сохранить его прежние черты. Если взглянуть под определенным углом, он явно напоминает дом с привидениями. Возможно, это неотъемлемая часть характера здания. Ну, знаешь, если бы у зданий была личность... – Он ухмыльнулся и фыркнул от смеха. – В одной из гостевых комнат нет же кровавых обоев на стенах?

– Черт. Тебе повезло, что ты не рос здесь. Жуткое местечко.

– Да-да, знаю. Отсутствие электричества и водопровода. Бла-бла-бла. Вы обходились газовыми лампами и печкой, а когда сломалась колонка, пришлось таскать воду из реки. Зимой приходилось носить с собой топор, чтобы сделать прорубь и набрать воды, и дорога и туда, и обратно шла в гору, – сказал Билли. Его голос звучал резковато, но Шон ничего не мог предъявить ему по этому поводу.

– Тебе не пришлось проходить через это, – сказал Шон. Он изо всех сил старался не сорваться, вспомнив об отце и о пожаре. – Это было не лучшее место для ребенка.

– Не забывай, что я прожил здесь с тобой две зимы, – теперь грубость в голосе Билли невозможно было ни с чем спутать. – Ты не уставал повторять, как комфортно в хижине, по сравнению с тем, через что тебе пришлось пройти в детстве. Какой бы дерьмовой ни была печь, ты напоминал о том, что у нас почти всегда есть электричество и ручная колонка с водой, а это уже гораздо больше, чем то, что могла предложить сторожка. Ничто не сравнится с тем, через что прошел в детстве бедняжка Шон Игл.

Шон сделал глубокий вдох. Нужно разрядить напряжение и сменить тему. Он постарался говорить как можно беззаботнее, как будто они болтали о пустяках.

– Ладно, ладно, – сказал Шон, – но все же расти в этом месте и жить здесь после колледжа – не одно и то же. Когда мы работали в особняке, это было похоже на приключение.

– Как скажешь, Шон. Как скажешь.

Шон приветственно помахал, проезжая мимо парней, работавших на газоне. Учитывая, что большая часть работ была закончена, на стройплощадке осталось меньше сотни рабочих. Порой, когда строительство разворачивалось на полную мощность, на стройке находилось по триста человек одновременно, и еще пятьсот базировалось в Уиски Ран. Им пришлось арендовать автобусы для перевозки рабочих из Кортаки, Сиракьюса и Олбани и еще несколько, чтобы возить людей из Оттавы.

Шон остановил машину перед входом в особняк. На лестнице его ждал прораб, и телохранители отъехали в сторону на втором джипе. Билли потянулся к ручке дверцы, но тут Шон положил руку ему на плечо.

– Слушай, мужик. Помнишь, как мы залезли в тоннели винного погреба и наткнулись на бухло, которое, скорее всего, осталось там со времен сухого закона?

Билли кивнул.

– А напившись, мы заплутали, пытаюсь выбраться? Черт побери, чувак, честно говоря, я думал, мы там и сдохнем, – он рассмеялся и своим смехом заразил Шона. – Почему так смешно? Мне весело это вспоминать несмотря на то, что мы просидели там – сколько? – пять, шесть часов? Я испугался до чертиков. Сидя там, я начал верить во все страшилки, которые ты рассказывал мне об этом месте и его истории. Отчасти я думал, что мы уже никогда не выберемся. Это настоящий лабиринт.

– И он все еще там. Когда мы только начали реставрацию, то хотели все перекопать, но тоннели оказались настолько обширными – страшно подумать: они пронизывали весь холм изнутри, – что у нас не получилось избавиться от них, не повредив место для застройки. Мы поставили перекрытие, чтобы никто не смог в них попасть. Не хочу, чтобы кто-то из моих гостей пропал навсегда.

Смех резко оборвался. Никто из них не произнес этого имени, но оно пришло в голову обоим.

Пропал навсегда.

Таката.

Шон глянул на лестницу. Его ждал прораб, но он будет ждать столько, сколько захочет Шон. Он не был готов выйти из авто. Ему внезапно стало грустно. Очень грустно. Шон жалел о том, что было утрачено.

– Все уже не так, как раньше. Знаю, отношения между нами испорчены, и мне жаль, Билли. Правда жаль, – он чувствовал, как спотыкается на каждом слове. – Не знаю. Я хочу сказать, что ты был моим лучшим другом. Я никогда не чувствовал себя более живым, чем в то время, когда мы работали здесь над Нелли, а затем над Eagle Logic. Несмотря на то что случилось с... несмотря на это, я считал, что мы делаем нечто важное. Наша дружба и все остальное действительно имели для меня значение. Мне казалось, это лучшее, что я делал за всю свою жизнь. Может, отчасти поэтому я решил отреставрировать особняк Игл и привезти тебя сюда. Я хочу, чтобы ты знал: я ценю то время, что мы провели вместе.

Он замолчал и посмотрел на Билли. Тот кивнул.

– Ладно, – сказал Шон. – Хорошо. Но я серьезно тебе говорю: это не единственная причина, по которой я позвал тебя сюда. Этот проект и то, что я обратился к тебе за помощью, – не попытка вновь пережить молодость. Слушай, будет здорово, если это как-то поможет нам преодолеть разногласия, но дело в другом. Ты сам все поймешь, когда войдешь в особняк. Теперь там очень комфортно. Фискер сохранил внешнее убранство и основу, но теперь это совершенно новое здание.

– Фискер?

– Архитектор. Тот же человек, что строит административный корпус Eagle Technology. Благодаря ему особняк обрел новую кожу и кости. Э-э, и органы, – Шон пожал плечами. – И надстройку. Может, сравнивать дом с живым существом не лучшая идея, но я вот к чему веду: внутри он очень современный. Конечно, если прикрыть рукой Гнездо, он будет похож на новехонькую версию особняка 1920-х годов и окажется таким же старомодным, как и Уиски Ран. Но внутри все выполнено из безопасных для природы материалов. Экологичная роскошь. В кухне чисто, как в операционной, – все блестит и сверкает. А в лазарете действительно есть своя операционная. Я хочу сказать, что Нелли сможет проводить несложные операции. Провода протянуты везде.

Он посмотрел вверх, на особняк Игл и на надстройку.

– Нелли там, Билли. И она ждет тебя.

– Несмотря на стройку?

– Строительство почти закончилось, но нет, в особняке она не работает. Пока идет стройка, я прячу ее: не бужу, так сказать. Она пока что... Они все подписали документы о неразглашении, но, думаю, им все еще не стоит знать о ней. Мы провели провода для Нелли по всему особняку, но функционирует она пока только в Гнезде. И только тогда, когда там никого нет. Как я уже говорил, она прекрасно показала себя во время тестирования в Балтиморе, но здесь у нас возникли некоторые проблемы, поэтому я решил ограничить зону ее действия. Как там говорят? Сначала надо научиться ходить, а уже потом бегать? В общем, я так решил. Но давай я сперва покажу тебе территорию. Проведем небольшую экскурсию, а затем войдем внутрь, чтобы ты смог хорошенько все осмотреть.

Он открыл дверцу машины.

Прораб, стоявший снаружи, замешкался.

– Мистер Игл, рад вас видеть, – и он дотронулся до козырька каски. – Сегодня утром случилась пара заминок, но мы все еще укладываемся в график и сумеем все закончить к первому ноября. Следующим летом вы сможете начать принимать гостей.

– Какого рода заминки? Проблемы серьезные?

– Волноваться не о чем. В один из тоннелей, оставшихся от старого курорта, провалился грузовик.

– Мы как раз говорили о старых погребках. Где-то там, в одном из этих тоннелей, все еще стоит ящик виски, – сказал Шон прорабу. – Я до сих пор считаю, что нужно было залить их бетоном или чем-то еще.

Прораб почесал голову.

– Вы наняли меня, потому что я хорошо знаю свое дело, и, как я уже говорил, стоки непредсказуемы. Мы не смогли перекопать их, не изменив полностью место застройки, и по той же причине не стоит заливать вот так тоннели. Иногда, решая одну проблему, можно создать новую. Забавная вещь вода: вас никогда не затапливало, и, поверьте, вам не захочется с этим связываться. Эти тоннели тянутся по всей территории, и невозможно сказать, куда они ведут. Если верить рассказам об особняке Игл и временах сухого закона, похоже, они действительно нужны были не только для того, чтобы хранить бухло. Но раз тоннели вырыли так давно, я думаю, лучше вообще их не трогать, – он пожал плечами. – Инцидент с грузовиком был единственным. Водитель в порядке. А кроме этого остаются плановые задержки, не более того – ну, вы и сами знаете. Если бы снова произошло что-то серьезное, я бы вам позвонил, но после июньского инцидента ни с кем не случалось несчастий. В данный момент приходится возиться только с кухней: чтобы добавить автоматизированное управление, как вы хотели, нам пришлось проложить газопровод в другом месте. А еще из-за того, что работы на третьем этаже затянулись, невозможно воспользоваться лифтом. Однако мы не должны отстать от графика. На следующей неделе покончим с кухней, а Гнездо уже полностью готово. Скоро будем сдавать работу.

Шон повернулся к Билли.

– Из Нью-Йорка должен прилететь парень, который займется лифтом, а пока это сплошной геморрой. Он все говорит, что лифт работает, но он постоянно ломается. Прежде чем мы войдем внутрь, давай проведу тебе ознакомительную экскурсию по территории. Мы скоро вернемся, Лоуренс.

– Конечно, сэр. Только берегитесь грузовиков и прочего.

– Не волнуйся, Лоуренс, чеки не перестанут приходить, даже если меня закатает в асфальт.

Он рассмеялся.

Шон повел Билли по территории и показал бассейн: его край был расположен так, что создавалось ощущение парения, и если залезть в него, то кажется, будто летишь над рекой. Он был пуст, как и четыре соединенных вместе джакузи, но, несмотря на шум строительной

техники, снующей по газону, бассейн навевал покой. Площадки для игры в бочче³⁹ почти закончили строить, а рядом с ними было ровное поле, на котором весной должен был развернуться теннисный корт. Шон указал на лодочную станцию у реки, но не стал спускаться вниз по склону, разделенному пополам плоским столиком, стоящим где-то посередине. Экскурсия оказалась короче, чем он рассчитывал. Шон поймал себя на мысли, что возвращается вместе с Билли к центральному входу почти нехотя.

Что-то останавливало его, мешало ему впустить Билли в особняк Игл, не давало отвести его в Гнездо и познакомить с Нелли. Может, потому, что Шон не любил просить о помощи? В этом все дело? О боже, а вдруг совет директоров узнает, что он пригласил Билли? К счастью, дело с судом между ним и Билли закончилось гораздо раньше, чем прибыли Eagle Technology начали расти в геометрической прогрессии. И все же в бульварной прессе все еще время от времени всплывали вялые обвинения. Если бы Шон не знал Билли, то решил бы, что это он подкармливает их, присылает анонимки и подогревает слухи, просто чтобы поиздеваться над ним. Шон постарается как можно дольше скрывать от совета директоров то, что подключил к работе Билли. Они, в сущности, понятия не имеют, чем он занимается в особняке Игл. О нет, совет знал, что это будет курорт: им была известна идея Шона использовать особняк в качестве творческой лаборатории, которая обеспечит будущее Eagle Technology и поможет убедиться в том, что последующие три десятилетия будут столь же плодотворны для компании, как и предыдущее. Но они и понятия не имели, чем Шон занимается на самом деле. Они не знали о Нелли. Лишь инженерам, работавшим над ней – небольшая контролируемая команда, отчитывающаяся лично перед Шоном и подписавшая железобетонный договор о неразглашении, – было известно о ее существовании. Только они понимали, на что способна Нелли.

И на что она не способна. Или, скорее, они знали, чего она не стала бы делать.

А может, он всегда это понимал? Может, с той минуты, когда Билли Стаффорд уехал и увез с собой Эмили, Шон знал, что однажды ему придется позвать Билли на помощь?

Если так, то он неплохо постарался, отказываясь признать этот факт даже перед самим собой. Больше десяти лет Шон то бросал работать над Нелли, то снова начинал. Он разбирал код на составляющие, пытаясь выяснить, в чем они ошиблись, когда работали в хижине недалеко от Уиски Ран. Ему удалось немного продвинуться, сделать несколько реальных прорывов, которые хотя бы частично можно было списать на достижения в технической области. По сравнению с современными мощностями, компьютеры, на которых они работали, используя дверь от уличного туалета вместо рабочего стола, были просто детским лепетом. Закон Мура оказался верен или почти верен: мощность компьютеров действительно увеличивалась вдвое каждые два года. О боже, какая сила заключалась в этой способности удваиваться! Один. Два. Четыре. Восемь. Шестнадцать. Тридцать два. Шестьдесят четыре. Нужно было просто подождать, и то, что когда-то казалось невозможным, теперь уже никого не удивляло. Когда Шон учился в колледже, идея автомобилей с самоуправлением все еще была сродни фантазии – и что теперь? Вопрос был лишь в том, когда – не если – такие будут у всех. Когда Билли и Шон работали в хижине в Уиски Ран, Нелли казалась футуристичной мечтой, а Eagle Logic, учитывая то, на что реально были способны тогдашние технологии, стала очевидным компромиссом. Но теперь она уже не казалась недостижимой мечтой, которую удастся реализовать лишь в далеком будущем. Нелли была готова вот-вот появиться на этот холодный, мрачный свет.

Казалось, стоит лишь протянуть руку – и она у тебя в ладони! В лаборатории, по крайней мере, Шон несколько раз общался с Нелли, и она работала почти без перебоев. Она приходила к ошеломительным логическим выводам, на которые не способен обычный компьютер, и Шон посчитал, что у него и его тщательно отобранной команды специалистов все получилось. На короткий миг ему показалось, что им удалось освободить компьютеры от жестких

³⁹ Спортивная игра с использованием небольших мячей.

протоколов, вывести их за границы «да» и «нет» и даже за границы «возможно», в пределах которых действовала Eagle Logic и которые помогли Шону разбогатеть. Но здесь, в реальных условиях особняка Игл, все разваливалось: Нелли оказалась лишь битым участком кода, и его гребаные инженеры ничего не могли с этим поделать.

Он сделал все, что мог. Даже несмотря на помощь лучших специалистов Eagle Technology, Шон понимал, что если он хочет, чтобы Нелли работала, и работала так, как представляли себе они с Билли, то ему нужен его напарник. Он не мог запустить Нелли сам. Без Билли это был бы очередной компромисс. Всего лишь очередное обновление Eagle Logic. Эволюция – не революция.

И все же Шон мешкал. Ведь если он поднимется по этим ступеням и войдет в дом, это будет значить, что он готов поделиться Нелли, что Билли и Эмили снова войдут в его жизнь.

Раны становятся шрамами, а шрамы нужны, чтобы помнить о том, чего стоит остерегаться, – так считал Шон.

Стоит ли начинать все сначала, показывать Билли, какой путь прошла Нелли за последние десять лет? Стоит ли демонстрировать ему свой очередной провал?

Он внимательно посмотрел на Билли. Тот наблюдал за группой мужчин, сгрудившихся у крана: он стоял между особняком и трейлерами, в которых располагался временный офис. Был и грузовик, который провалился под землю там, где обвалился погреб. Об этом и говорил прораб.

«Еще не поздно передумать», – решил Шон. Ступени, ведущие к главному входу, составляли букву V: они были узкие внизу, а кверху расширялись, превращаясь в плоскую, пустую, просторную платформу – террасу, хоть он и не любил так ее называть, шириной в двенадцать метров и растянувшуюся почти по всей длине особняка от конца одного крыла до другого; сидя здесь, можно было любоваться территорией, огромной лужайкой и бухтой в конце долины. Они стояли у нижней ступеньки. К платформе вело всего десять ступеней, но Шон решил, что еще не поздно передумать. Еще не поздно похлопать Билли по плечу, извиниться, сказать, что, наверное, новое сотрудничество – это не самая лучшая идея, и выписать жирный чек, чтобы избавиться от чувства вины. Он мог бы оставить Нелли себе.

Еще не поздно.

Пока он думал об этом, раздался крик.

Глава 8. Кровь и сталь

Билли наблюдал за рабочими, которые пытались соорудить, как вытащить провалившийся под землю грузовик. Он изо всех сил старался не терять самообладания: ему было ясно, что Шон зачем-то тянет время. Он вел себя так, будто боялся дать понять Нелли, будто волновался, что Билли уведет у него Нелли, как увел Эмили. Ожидание убивало, но он не собирался показывать Шону, что нервничает. У него внутри все зудело с того момента, как Шон произнес ее имя – Нелли. Слишком многое, однако, стояло на кону, чтобы продемонстрировать свое воодушевление. Он был нужен Шону, и чем лучше Билли удастся показать ему, что он может развернуться и уйти в любую минуту, тем больше власти он удержит в своих руках. Так что он был не прочь поостыть, задержавшись на лужайке еще на пару минут.

А затем раздался крик.

Он глянул на Шона, не зная, что делать. Тот побледнел и замер на месте, но затем крик усилился, и он взбежал вверх по ступеням. Билли поспешил за ним. Он увидел, что рабочие бегут к двери, последовал за Шоном к входу и прошел через деревянный свод пасти особняка Игл, позволив ему проглотить себя целиком. Времени осмотреться не было: теперь там стало светло и просторно, несмотря на то что раньше все оплетали вьющиеся заросли растений, повсюду валялись куски крошащегося камня, а крыша когда-то обвалилась, придав зданию мрачный вид. Лифт, прижатый к дальней стене, был сделан из стекла; механизм тоже был полностью прозрачным, а шахту оплетала винтовая лестница из стекла и стали с лестничными площадками и ответвлениями, каждое из которых вело в правое или левое крыло здания как на втором, так и на третьем этаже. Стоя рядом с ним, можно было увидеть Гнездо, парящее над зданием: лестница исчезала в матовом стекле, защищающем частное пространство Шона от любопытных глаз гостей, стоящих внизу. От размеров фойе кружилась голова – такое большое открытое пространство пугало, но все это Билли заметил чуть позже. Сейчас же он был занят тем, что бежал за Шоном, который направлялся к лифту.

К тому времени там уже собралась толпа – восемь или девять мужчин в защитных касках и джинсах, ботинках с металлическими носами и с инструментами на поясе, но крик перекрыл все. Это был высокий, стонущий звериный рев, но Билли не видел, откуда он исходил. Мужчины в толпе ругались и лихорадочно с чем-то возились. Он слышал крики, ругательства и то, как кто-то из них, задыхаясь, стонал от боли.

От этого звука волосы вставали дыбом. Казалось, что кошку прибили к доске и вспарывали ей брюхо. Это был звук из детских кошмаров.

– Тяните, бога ради. Тяните двери. Двери!

Все натужно закричали, а затем раздался вздох облегчения. Из лифта спиной вперед выпала толпа людей. Билли краем глаза заметил, как в красной мешанине зияет что-то белое.

Человек больше не кричал. Он хныкал, выгибал спину и бился головой о пол. Трое строителей прижали его к земле, а четвертый зажал руками его...

Билли подумал, что его сейчас стошнит. Он отвернулся, но уже успел все увидеть. Это был обрубок человеческой руки: она заканчивалась в середине предплечья, чуть ниже локтя. То белое, что увидел Билли, оказалось костью, торчащей из рваной плоти. Края раны были неровные и выглядели ужасно. За тот короткий миг, что Билли смотрел на пострадавшего, он успел увидеть аккуратный надрез в нескольких сантиметрах от того места, где начинался обрубок, а также рваные лоскуты кожи: из раны текла кровь, заливавшая отполированный бетонный пол.

Билли медленно попятился из фойе туда, где начиналось крыло особняка. Мужчины все еще кричали и шумели: одни наклонились к пострадавшему, другие разбежались в разные стороны. Билли увидел среди них смертельно бледного Шона, его голос дребезжал.

– Еще один, – произнес кто-то позади Билли.

Если бы Билли не был так шокирован увиденным, он бы вскрикнул, но вместо этого он повернулся и посмотрел на человека, стоявшего рядом. Это был невысокий мужчина около сорока лет в джинсах и футболке с логотипом рок-группы AC/DC, белой каске и коричневых ботинках с металлическими носами. Билли даже удивило, что мужчина не зажимал в зубах сигарету. Ну конечно же, они ведь находятся в помещении.

– Еще один?

– Ага. Еще один.

Билли не мог понять, что это за акцент. Мужчина вроде похож на латиноса. Или индейца? Может, какой-нибудь метис? Он говорил с тем странным неуловимым акцентом, который у Билли всегда ассоциировался с Канадой.

– В каком смысле? – спросил Билли.

– В этом месте крови больше, чем стали, – ответил мужчина. – Семь смертей во время строительства: четверо, конечно, погибли за раз, но все же в общей сложности не стало семерых душ. И это еще не считая тех, кого покалечило. Неспроста Игл помимо компенсации приплачивает сверху. И неспроста ему пришлось привезти столько рабочих из других городов. Мы все знаем историю этого места: ее сложно игнорировать. Думаешь, то, что ты сейчас увидел, – жуткое зрелище? – он помотал головой. – Это еще ничего. Если бы мне не нужно было платить алименты, я бы уже давно собрал манатки и свалил отсюда. Работать здесь – все равно, что сидеть в желудке у монстра, – сказал он, а затем повернулся и исчез в коридоре, ведущем в крыло здания, завернув за угол прежде, чем Билли успел вымолвить хоть слово.

Он наблюдал за тем, как прибежали двое мужчин с носилками. Кто-то уже тащил аптечку первой помощи, а человека, сжимающего обрубок, заменил наспех наложенный жгут. Товарищи положили пострадавшего на носилки и вынесли его через входную дверь. Шон последовал за ними.

Внезапно в здании стало так тихо, что Билли показалось, будто он остался совсем один. Он видел, как снаружи аккуратно спускают носилки с лестницы и как рабочие толпятся на газоне, наблюдая за происходящим. Но, насколько Билли было известно, внутри особняка кроме него никого не было. Солнечный свет проникал сквозь окна в передней части фойе и освещал лужицу крови на полу у лифта, где лежал пострадавший. Он взглянул на лифт. Стекло двери словно окропил кровавый дождь. На полу внутри лифта он увидел окровавленный кусок плоти...

Господи. Ему нужно выпить. Пару бокалов. Просто чтобы взять себя в руки. Но нет, он не станет этого делать: ему не нужна выпивка. Лучше глотнуть воды. Может, стоит пойти умыться? Он посмотрел на руки – они дрожали. Снова взглянул на двери лифта, стараясь не коситься на пол, где лежала нижняя часть человеческой руки. Господи, он совсем не хотел находиться в этом доме.

Билли развернулся и направился в крыло здания, вниз по коридору. Нужно было найти туалет. Ему надо отлить. Или проблеваться.

Выйдя из фойе и оказавшись в крыле, справа он увидел дверь с надписью «Туалет». Он потянулся к ручке, но дверь бесшумно распахнулась сама по себе, свет постепенно стал ярче.

Ловкий трюк. Очевидно, что это имел в виду Шон, когда сказал, что провода протянуты везде.

Нужно в туалет? Просите, и дано будет вам.

Он замешкался, переступая порог. Интерьер был белым с ярко-красными штрихами. Билли не мог забыть брызги крови на дверях лифта. Он глубоко вздохнул и вошел внутрь. Дверь за ним тихонько закрылась. Он справил нужду в писсуар, упершись рукой в стену. Тошнота подступила к горлу. «Стоит присесть», – подумал он.

Справив нужду, он застегнул джинсы и смыл за собой, а когда повернулся к раковинам, из крана уже тихонько текла теплая вода. Билли хорошенько вымыл руки. Где-то в глубине души он боялся, что вода станет розовой и вспенится от крови или что он увидит брызги крови у себя на лице, но вода была прозрачной, а на лице не было ни кровинки. Именно так, ни кровинки – настолько оно было бледное. О боже! Билли поверить не мог, насколько сильное впечатление произвело на него то, что он увидел. Он оперся о раковину и уставился в зеркало. Билли знал, что постарел: он видел линии морщин, врезавшихся в лицо, намек на седину в волосах. Бухло живого места на нем не оставило. Кокс тоже – от этого никуда не денешься, но в основном дело было в джине и пиве.

Мягкий голос зазвучал словно из ниоткуда:

Я ЖДАЛА ТЕБЯ, БИЛЛИ.

Он подпрыгнул от неожиданности. На краткий миг ему показалось, что в туалете есть кто-то еще. Может, строитель, который только что был в фойе, застал его врасплох, или кто-то вышел из кабинки. Но через мгновение это ощущение прошло. Голос не принадлежал человеку. Он был похож на человеческий, но человеку не принадлежал.

Он узнал ее. Узнал, словно перед ним стояла его жена. Узнал, словно был отцом, способным найти своего ребенка в толпе. Нелли!

Голос обволакивал его. Билли не смог найти колонки, но этого и не требовалось. Голос был бестелесным, но не бесплотным. Он казался вполне земным и реальным.

Я РАДА ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТОБОЙ, БИЛЛИ. ТЫ РАД СО МНОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ?

– Он это сделал, – произнес Билли. – Ты живая.

ТЫ ГОВОРИШЬ О ШОНЕ?

– Он правда это сделал.

ТЫ ГОВОРИШЬ О ШОНЕ. ДА, ШОН ЗАВЕРШИЛ РАБОТУ НАДО МНОЙ. НО Я ЖДАЛА ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ. ПРИВЕТ. МЕНЯ ЗОВУТ НЕЛЛИ.

Билли понял, что улыбался. Он смотрел на себя в зеркало и улыбался.

– Я знаю. О боже! Я тоже ждал встречи с тобой, – он засмеялся.

Я НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ ТЫ СМЕЕШЬСЯ.

– Где ты?

Я ЗДЕСЬ.

– Нет, я не об этом. Твой голос звучит будто из ниоткуда. Я не знаю, куда смотреть.

Я ПОВСЮДУ.

Телесная привязка отсутствует. Ну разумеется. Они обсуждали это, когда работали над Нелли в хижине, и называли ее ловушкой сексбота. Может, сейчас Шон богат и знаменит, но так было не всегда: в глубине души они оставались просто парочкой ботаников, пытающихся создать что-то в своей мастерской; если привязать искусственный интеллект к материальному объекту, любой айтишник захочет превратить его в подобие сексбота. Если дать Нелли человекоподобное тело или хотя бы вывести ее изображение на экран, кто-нибудь рано или поздно попытается с ней переспать. Они так смеялись, обсуждая это. Какой бы элегантной ни была программа, с ней все равно по возможности захочется переспать. Разве это не заложено в человеческой природе?

Нелли не должна была стать искусственным разумом, поэтому они старались не затрагивать подобные темы, по крайней мере отчасти. При попытке создать Нелли они также обсуждали фатальную ошибку ученых, которые делали то же, что и они. Что за непомерная гордыня – измерять интеллект по уровню человеческого маркера. Десятилетиями писатели выдавали на-гора свои размышления о том, что же случится, если произойдет «невообразимое», если машины наконец станут умнее людей. Но Билли и Шон, работая в хижине на окраине Уиски Ран, вовсе не переживали об этом. Может, Нелли и казалась реальной, живой и существующей,

но при этом она такой не была. Они не пытались создать искусственный разум. Для запуска Нелли он был не нужен. В определенном смысле это вообще было бы нецелесообразно. Нелли создавали для того, чтобы она служила. Эта программа должна была стать не партнершей, а работой: смыслом ее существования было делать других счастливыми. Если бы она осознала себя на уровне ИИ⁴⁰, она не прислуживала бы своему хозяину – человеку – с такой самоотверженностью. Так что нет, не было никакого риска восстания машин, никакого Скайнета⁴¹, и людям не грозила опасность стать рабами повелителей-роботов. И не было никакого смысла создавать физическую версию Нелли – силиконовую куклу со знакомыми чертами лица.

Билли потер влажными руками глаза, а затем запустил пальцы в волосы.

СУШИЛКА ДЛЯ РУК НАХОДИТСЯ СПРАВА ОТ ТЕБЯ. ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ, БУМАЖНЫЕ ПОЛОТЕНЦА ЕЩЕ НЕ ЗАКУПИЛИ.

– Без проблем.

Он сунул руки в сушилку. Поток воздуха дул бесшумно – не то что сушилки в общественных туалетах в аэропорту, которые издавали звук, сравнимый с шумом самолетного двигателя, – но руки сушил хорошо. Билли наклонился, пытаясь рассмотреть, кто производитель: сбоку стоял штамп с логотипом Eagle Technology.

НАМ НУЖНО МНОГОЕ ОБСУДИТЬ, БИЛЛИ. Я С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ВСТРЕЧИ С ЭМИЛИ. ЭМИЛИ ПРИЕХАЛА С ТОБОЙ?

– Мне тоже хочется многое обсудить, Нелли. Именно поэтому Шон и привез меня сюда. Он хочет представить нас друг другу. Если я возьмусь за работу, которую он предлагает, я вернусь и привезу с собой Эмили.

ТЫ СНОВА ПИЛ.

Он отошел от раковины и осмотрелся. Неужели цвет освещения изменился? Красные штрихи на стенах показались ему ярче, а зеркало стало более тусклым.

– Я не пил.

ТЫ КАЖЕШЬСЯ ВЗВИНЧЕННЫМ. ТЕМПЕРАТУРА В НОРМЕ, ОДНАКО ПУЛЬС ПОВЫШЕН, ДЫХАНИЕ ПРЕРЫВИСТОЕ. Я МОГУ ОКАЗАТЬ ТЕБЕ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В ЛАЗАРЕТЕ, ЕСЛИ...

– О боже! Да не пил я. Я просто увидел, как человеку оторвало руку в лифте. Конечно, еще бы мне не быть взвинченным.

Шон почувствовал, как на него снова накатывает тошнота, и склонился над раковиной. Было неясно, то ли он моргнул, то ли свет в помещении замерцал.

– Эй, – голос, раздавшийся слева от него, застал Билли врасплох. Он поднял голову и увидел, что в дверном проеме у входа в туалет стоит Шон. – Это было... Черт побери. Извини, мужик. Не так я себе представлял экскурсию по особняку, – Шон слабо улыбнулся. – Сам с собой разговариваешь?

– Нет. С Нелли.

Шон рассмеялся.

– Ну, тогда тебе придется говорить громче. Можешь произносить все что угодно. Она не слышит, – он посмотрел на потолок. – Нелли! Эй, Нелли! – позвал он и снова засмеялся. – Видишь? Я еще не подключил ее к этой части особняка. Пока она плавает в лягушатнике – в Гнезде. Бывают дни, когда здесь одновременно присутствует по двести-триста рабочих, а над Нелли еще нужно потрудиться. Ах да, пойдем, я тебя с ней познакомлю.

⁴⁰ Искусственный интеллект.

⁴¹ Компьютерная система в фильмах о терминаторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.